

Источник: Перикл. Перевод П. Козлов. С предисловием Ф. Зелинского // В. Шекспир Полное собрание сочинений. / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 4. С. 2-61.

2

<Сверху на странице расположена фотография античная статуя «Греческій юноша».>

ПЕРИКЛЪ.

I.

Мы знаемъ и любимъ Шекспира, главнымъ образомъ, какъ творца "Гамлета" и "Лира" – его "Перикль" мало кому извѣстенъ. Напротивъ, его современники видѣли въ немъ главнымъ образомъ автора "Перикла". Еще при его жизни эта пьеса была предметомъ величайшаго восторга (а much admired play), а въ одной, впрочемъ, неважной поэмѣ, появившейся ровно черезъ тридцать лѣтъ послѣ его смерти, авторъ характеризуетъ поэта въ слѣдующихъ словахъ: "Съ Софокломъ мы можемъ сравнить великаго Шекспира; никогда не было у Аристофана такого полета фантазіи, какъ у него; доказываетъ это его "Перикль, принцъ Тирскій".

Если спросить о причинѣ этого столь страннаго и поучительнаго явленія, этого столь рѣшительнаго вердикта современниковъ, кассированнаго потомствомъ, то отвѣтъ не можетъ быть сомнительнымъ: "Перикль" плѣнилъ своихъ зрителей не оригинальностью и тщательностью характеристикъ, не тонкостью психологическаго анализа, не потрясающимъ трагизмомъ положеній, а только интересомъ своей фабулы. Но именно фабула и не была собственностью Шекспира; она заимствована имъ, хотя и косвенно, изъ любопытной книжки, возникшей еще въ античную эпоху и съ тѣхъ поръ непрерывно, въ теченіе четырнадцати вѣковъ, составлявшей любимое развлеченіе читающей публики Европы. Эта книжка – безыменная "*Исторія Аполлонія царя Тирскаго*". Съ этого первоисточника шекспировской драмы мы и должны начать.

II.

Вотъ, прежде всего, его содержаніе.
Жилъ нѣкогда Антиохъ, царь Антиохіи

получившей отъ него свое имя, отецъ единственной дочери, первой въ мірѣ красавицы. Воспылавъ преступной страстью къ ней и добившись, хотя и путемъ насилія, своей цѣли, онъ рѣшилъ придумать благовидный предлогъ, чтобы не выдавать ея замужъ; для этого онъ велѣлъ объявить, что всякій женихъ его дочери долженъ рѣшить предложенную имъ загадку, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, поплатиться жизнью. Много князей и вельможъ погибло такимъ образомъ; наконецъ изъ Тира явился знатный юноша Аполлоній свататься за царевну. Антиохъ предложилъ ему загадку про свой собственный грѣхъ; Аполлоній ее разгадалъ, но царь не согласился съ его рѣшеніемъ и далъ ему тридцать дней для приготовленія къ новой попыткѣ. Юноша, однако, у котораго охота стать царскимъ зятемъ послѣ такого открытія пропала, до 30 дней истеченія бѣжалъ въ Тиръ, а оттуда – предвидя, что разгнѣванный царь не проститъ ему его прозорливости – на кораблѣ, нагруженномъ хлѣбомъ, въ открытое море. Его опасенія оказались справедливыми: Антиохъ поручилъ вѣрному служителю, Талиарху, извести Аполлонія; но когда Талиархъ явился въ Тиръ, Аполлонія тамъ уже не было. Пришлось Антиоху удовольствоваться назначеніемъ высокой награды тому, кто принесетъ голову Аполлонія.

Тѣмъ временемъ Аполлоній пріѣхалъ въ Тарсъ; здѣсь онъ встрѣтилъ своего гостепріимца (*hospes*), тарскаго гражданина Странгвилліона (*Stranguillio*, латинское искаженіе греческаго имени *Strongylio*), который ему рассказалъ про царящій въ городѣ голодъ. Аполлоній дешево продалъ гражданамъ свой запасъ и вырученную сумму употребилъ на нужды города, за что граждане поставили ему статую на площади; но такъ какъ Тарсъ находился слишкомъ близко къ царству Антиоха, то Аполлоній счелъ за лучшее оставить его и отправиться въ киренское Пятиградіе (*Pentapolis*, т. е. союзъ пяти городовъ на Малой Сиртѣ, главнымъ изъ которыхъ была Кирена; позднѣйшіе писатели, включая Шекспира, приняли слово *Pentapolis* за имя собственное города).

На пути въ Кирену, въ извѣстной своими опасностями Малой Сиртѣ, Аполлонія настигла буря; корабль погибъ, его одного волны вынесли на берегъ. Рыбакъ радушно его принялъ, далъ ему половину своего плаща и отправилъ въ Кирену. Тамъ какъ разъ, по желанію царя Архестрата, происходило состязаніе въ игрѣ въ мячъ. Аполлоній всѣхъ побѣдилъ, былъ приглашенъ къ царской трапезѣ и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сталъ зятемъ киренскаго царя. Немного спустя Антиохъ съ дочерью были убиты молніей, и антиохійскіе граждане избрали царемъ Аполлонія; пришлось послѣднему опять пуститься въ плаваніе, этотъ разъ съ молодой, беременной женой. Еще во время плаванія царица

родила дочь и вслѣдъ за тѣмъ впала въ летаргическое состояніе; такъ какъ суевѣрные матросы не терпѣли присутствія мертвой на кораблѣ, то Аполлоній уложилъ мнимую покойницу въ ящикъ, вмѣстѣ съ грамотой и грудой золота, и опустилъ его въ море. Но мысль о царской власти ему опротивѣла: желая облегчить свое горе странствованіями, онъ заѣхалъ въ Тарсъ, передалъ новорожденную съ ея кормилицей и богатымъ приданымъ своимъ гостепріимцамъ Странгвилліону и его женѣ Діонисіадѣ и просилъ ихъ воспитать ее какъ свое родное дитя и назвать, по имени города Тарса, Тарсіей; послѣ этого онъ отправился странствовать.

Между тѣмъ ящикъ съ тѣломъ жены Аполлонія пригнало къ Эфесу, гдѣ его нашель старый врачъ, Херемонъ. Грамота гласила, чтобы тотъ, кто найдетъ ящикъ, половину золота употребилъ бы на похороны, а другую оставилъ-бы себѣ, и Херемонъ со своимъ ученикомъ уже собирався сжечь найденную на кострѣ, какъ вдругъ ученикъ замѣтилъ въ ней слѣды жизни. Вскорѣ удалось привести ее въ сознаніе: воскресшая царица пожелала быть принятой въ число жриць знаменитой эфесской Діаны, что и было ей разрѣшено.

Прошло съ того времени много лѣтъ. Тарсія стала прекрасной и искусной во всѣхъ женскихъ работахъ дѣвой; ея кормилица состарилась; видя, что смерть приближается, она открыла царевнѣ тайну ея происхожденія; вскорѣ затѣмъ она умерла. Діонисіада не любила Тарсію, которая во всемъ затмевала ея родную дочь; послѣ смерти кормилицы она рѣшила избавиться отъ нея и приказала своему рабу убить ее, воспользовавшись для этого одной изъ ея прогулокъ на морской берегъ къ могилѣ кормилицы. Рабу, однако, не удалось исполнить своего намѣренія: пираты на него напали, отняли у него Тарсію и увезли ее на островъ Лезбось, въ городъ Митилену, чтобы продать ее тамъ, какъ рабу. Купить ее пожелали двое, вельможа Аѣинагоръ и

4

сводникъ; досталась она послѣднему. Настало для Тарсіи тяжелое время; но все же ей удалось тронуть приходившихъ къ ея хозяину гостей – первымъ былъ Аѣинагоръ – и упросить ихъ пощадить ея невинность. Послѣднимъ былъ тронуть ея хозяинъ; онъ разрѣшилъ Тарсіи зарабатывать деньги пѣснями и музыкой.

Около этого времени Аполлоній заѣхалъ въ Тарсъ, чтобы узнать о судьбѣ дочери. Діонисіада, считавшая Тарсію убитой и воздвигшая ей даже памятникъ, призналась мужу въ своемъ преступленіи; оба рѣшили сказать Аполлонію, что его дочь умерла. Убитый горемъ Аполлоній приказалъ запереть себя въ самомъ темномъ уголку корабля и пустить

последній по вѣтру, надѣясь, что смерть избавитъ его отъ опротивѣвшей жизни. Корабль занесло въ Митилену, гдѣ его замѣтилъ Аѳинагоръ; узнавъ о тяжелой душевной болѣзни хозяина, онъ былъ пораженъ совпадениемъ его имени съ именемъ отца Тарсія и велѣлъ послать за ней, чтобы она своими пѣснями его развеселила. Долго это ей не удавалось; наконецъ въ своемъ отчаяніи она спѣла ему пѣсню про себя и свои страданія. Такимъ образомъ Аполлоній узналъ свою дочь; онъ вернулся къ людямъ, снялъ траурное платье и выдалъ Тарсію за Аѳинагора (сводника граждане наказали по заслугамъ). Вскорѣ затѣмъ Аполлонію приснился вѣщій сонъ: ему явилась Діана и приказала отправиться въ ея эфесскій храмъ и тамъ передъ жертвенникомъ громко рассказать свою судьбу; онъ исполнилъ ея приказаніе и въ старшей жрицѣ узналъ свою жену. Заключение романа образуетъ рассказъ о томъ, какъ Аполлоній занялъ царскій престолъ въ Антиохіи, какъ онъ сдѣлалъ своего зятя Аѳинагора царемъ Тира, какъ въ Тарсѣ были побиты камнями Странвилліонъ и Діонисіада, и какъ возрадовался царь киренскій Архистратъ, увидѣвъ своихъ дѣтей живыми и счастливыми.

III.

Романъ объ Аполлоніи какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ частностяхъ напоминаетъ обычную схему греческихъ романовъ, этихъ послѣдней греческой литературы. Любовь, разлука влюбленныхъ и окончательное ихъ соединеніе – вотъ общая большинству ихъ формула; при этомъ рассказъ о разлукѣ разнообразится всевозможными приключеніями героя и героини (къ которымъ здѣсь прибавлено еще и третье лицо – дочь героя и героини). Романъ любви и приключеній – таковымъ былъ романъ въ античную эпоху. Таковымъ остался онъ и вплоть до 19 вѣка; "Помолвленные" Манцони – одинъ изъ послѣднихъ классическихъ примѣровъ. Что касается частныхъ, то къ излюбленнымъ романическимъ мотивамъ древности принадлежатъ: пираты, летаргическій сонъ, приключенія цѣломудренной героини въ притонѣ разврата, признаніе въ храмѣ. Оригинальнымъ можетъ показаться мотивъ кровосмѣсительной связи Антиоха; зато онъ введенъ довольно неорганически. Что касается мотива загадки, то это очень распространенный, если не романическій, то сказочный мотивъ.

Былъ ли нашъ романъ оригинальнымъ латинскимъ произведеніемъ, или переводомъ съ греческаго – сказать трудно; къ послѣднему мнѣнію склоняется El. Klebs, авторъ новѣйшаго, очень цѣннаго изслѣдованія о нашемъ романѣ и его судьбахъ въ средніе и новые вѣка (Die Erzählung von Apollonius aus Tytus. Берлинъ 1899). Во всякомъ случаѣ оригиналъ былъ написанъ еще до 4 в. по Р. Х.; онъ сдѣлался быстро любимцемъ читающей публики и испыталъ столько

метаморфозъ, сколько ни одно литературное произведение ни до ни послѣ него. Первой метаморфозой была попытка охристианить нашъ романъ: не Діана, а ангелъ является Аполлонію во снѣ. Тарсія просить своего убійцу дать ей передъ смертію помолиться Богу и т. д. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе прогрессировала эта христіанизация; въ то же время традиція романа раздвоилась, обѣ редакціи то списывались отдѣльно, то переплетались между собой и образовывали новые, смѣшанные тексты. А въ средніе вѣка пошли и переработки – сначала на латинскомъ языкѣ. Изъ нихъ насъ особенно интересуетъ переработка *Готфрида Витербскаго*, нотариуса императора Фридриха Барбароссы, написавшаго въ 1185 – 91 г.г. своеобразную всемірную исторію подъ заглавіемъ "Pantheon" въ особаго рода тристихахъ (соединеніе двухъ гексаметровъ съ однимъ пентаметромъ); въ составъ этой всемірной исторіи у него входила и исторія Аполлонія, причеиъ онъ романическаго Антиоха отождествилъ съ историческимъ, извѣстнымъ изъ исторіи Аннибала. Исторія передана у него въ очень сжатомъ видѣ, всего въ пятнадцати тристихахъ; есть и немало измѣненій, которыя не остались безъ вліянія на

5

позднѣйшихъ переработкахъ. Аполлоній является у него съ самага начала царемъ, "Транквиліонъ" вмѣстѣ со своей женой "Діонисіей" злоумышляетъ противъ Тарсії, и т. д. Въ окончательной редакціи Готфридъ расширилъ нѣсколько свой эпизодъ, назвалъ сводника Леониномъ, жену Аполлонія Клеопатрой и ввелъ нѣсколько маловажныхъ вставокъ. - Но латинскія переработки не могли всѣхъ удовлетворить; появились испанскія, французскія, нѣмецкія, итальянскія, греческія и, что насъ особенно интересуетъ, англійскія. Изъ послѣднихъ наиболѣе важна для насъ та, которую самъ Шекспиръ назвалъ своимъ источникомъ – переработка *Джона Гоуера* (Gower), современника и друга Чосера. Въ своей поэмѣ подъ заглавіемъ *Confessio amantis*, онъ воспользовался, какъ примѣромъ преступной любви, исторіей нашего Аполлонія; своимъ источникомъ онъ выставляетъ "хронику, называемую Пантеономъ"; отсюда англійскіе критики вывели заключеніе, что Гоуеръ составилъ свой рассказъ единственно по Готфриду Витербскому – чему противорѣчатъ, однако, многочисленныя заимствованія изъ "исторіи Аполлонія", касающіяся такихъ подробностей, которыя совсѣмъ пропущены у Готфрида. Итакъ, Гоуеръ пользовался двумя источниками – Готфридомъ и "исторіей". Рассказъ написанъ четырехстопными ямбами; Аполлоній названъ (для удобства размѣра) Аполлиномъ, Талиархъ (по ошибкѣ) - Талиартомъ; введенъ другъ Аполлонія, *Hellican (us)* (передѣлано изъ *Hellenicus*, имени одной третьестепенной личности въ "исторіи"); Діонисія названа Діонизой,

Тарсія – Таисой и т. д. Небезынтересна метаморфоза, происшедшая съ именемъ дочери Странвилліона. Въ первоначальной редакціи она безыменна; въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ редакцій ей дано имя, символизирующее ревность ея матери, именно *Philotimia*; Гоуеръ, очевидно ошибшись въ чтеніи, назвалъ ее *Philotenna*; отсюда произошло уже совершенно варварское *Philoten*, которое она носитъ у Шекспира. Конечно, такія недоразумѣнія произошли не въ однихъ только именахъ; приведемъ слѣдующій образчикъ, показывающій, какъ иногда возникаютъ поэтическіе мотивы (Klebs, стр. 468). Согласно подлинной "исторіи" врачъ Херемонъ, призвавъ къ жизни царицу, удочерилъ ее (*filiam sibi adoptavit*) – что было необходимо, такъ какъ оставаясь чужестранкой, она не могла бы быть жрицей эфесской богини. Между тѣмъ въ средневѣковой латыни *sibi* значитъ и "себѣ" и "ей"; понимая выписанную фразу въ послѣднемъ смыслѣ, Гоуеръ говоритъ про своего врача "Серимона", что онъ предложилъ царицѣ "свою собственную дочь, чтобы она у нея служила, пока обѣ будутъ жить". Шекспиру это предложеніе показалось, повидимому, слишкомъ великодушнымъ: у него (д. 3, сц. 4) дочь Серимона замѣнена племянницей (*a niece of mine shall there attend you*). – Крупныхъ измѣненій въ самой фабулѣ Гоуеръ не произвелъ; она сильно пострадала у него вслѣдствіе пропуска разговоровъ дѣйствующихъ лицъ латинскаго подлинника съ ихъ жизненнымъ, подчасъ юмористическимъ реализмомъ: у него все вышло гладко, однообразно и рутинно. Среда полуязыческая, полухристіанская; между прочимъ жена Аполлонія дѣлается у него въ Эфесѣ игуменьей. Вообще не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ настоящее время поэма Гоуера была бы точно такъ же забыта, какъ и масса другихъ посредственныхъ поэмъ этой эпохи, если бы не случайное обстоятельство, что она была источникомъ Шекспировскаго "Перикла".

IV.

Впрочемъ, говоря о "Периклѣ" Шекспира мы выражаемся не вполне точно съ точки зрѣнія новѣйшей критики; по ея вердикту – съ которымъ спорить трудно – Шекспиръ былъ не авторомъ, а только окончательнымъ редакторомъ нашей драмы, но все же редакторомъ очень самостоятельнымъ, вложившимъ не мало собственного труда въ чужое произведеніе. Скептицизмъ этотъ сравнительно недавняго происхожденія: въ эпоху самого Шекспира, да и нѣсколько десятилѣтій послѣ его смерти, публика благодушно восторгалась причудливой драмой, нимало не сомнѣваясь въ томъ, что она была роднымъ дѣтищемъ ея любимца. Позднѣе, когда интересъ къ наивнымъ сказкамъ прошелъ, недостатки "Перикла" были замѣчены, но ихъ объясняли предположеніемъ, что онъ былъ юношескимъ произведеніемъ великаго

драматурга: Драйденъ (1675 г.) въ прологѣ къ "Цирцеѣ" Чарльза Дэвенанта, проводя мысль о трудности съ перваго раза написать совершенную вещь, намекаетъ на Бена Джонсона и Флетчера, которые тоже не сразу написали своихъ "Вольпоне" и "Арвака", и продолжаетъ такъ: "Даже муза Шекспира первымъ родила Перикла – князь

6

Тирскій былъ старше Мавра (т.е. Отелло). Увидѣть хорошую первинку, значить, увидѣть чудо; розы не цвѣтутъ о Рождествѣ". Но это предположеніе ошибочно: во-первыхъ, хронологическія данныя, о которыхъ рѣчь будетъ тотчасъ, его не допускаютъ, а во-вторыхъ, недостатки "Перикла" существенно разнятся отъ тѣхъ, которые мы наблюдаемъ въ дѣйствительно юношескихъ драмахъ Шекспира. Къ тому же, и постороннія соображенія наводятъ насъ на мысль, что первоначальнымъ авторомъ "Перикла" былъ другой поэтъ, и даже позволяютъ догадываться объ его имени.

Прежде всего, хронологія "Перикла" довольно точно опредѣляется слѣдующими, чисто внѣшними данными. Въ первомъ его изданіи, появившемся въ 1609 г., онъ названъ "новой пьесой" (the late... play); стало быть, онъ не могъ быть написанъ задолго до этого года. Къ тому же мы знаемъ, что въ 1608 г. издатель Блоунтъ внесъ нашу драму, вмѣстѣ съ "Антоніемъ и Клеопатрой", въ списки книгоиздательской гильдіи, какъ имѣющую быть изданной имъ; это – самый ранній слѣдъ существованія "Перикла". "Между тѣмъ, справедливо замѣчаетъ Деліусъ (Shakespeare-Jahrbuch, III, 173), такая популярная драма, какъ "Периклъ", пользовавшаяся такой выдающеюся и притомъ такой постоянной любовью публики, навѣрное оставила бы и болѣе ранніе слѣды, если бы только она была поставлена раньше". Итакъ, мы допускаемъ – въ согласіи съ Деліусомъ и наиболѣе авторитетными критиками Шекспира, - что "Периклъ" былъ впервые поставленъ приблизительно въ 1608 г., т.е. что онъ принадлежалъ къ позднимъ драмамъ Шекспира, имѣя своими старшими братьями и "Гамлета", и "Лира", и "Отелло".

Старшими, да, но не вполне родными: мы уже намекнули на полушекспировскій, такъ сказать, характеръ нашей пьесы. Оставляя въ сторонѣ внутреннія улики – мы отчасти къ нимъ вернемся при анализѣ драмы, - мы не можемъ не придать значенія тому факту, что въ первомъ полномъ изданіи Шекспира 1623 г. "Периклъ" отсутствуетъ; повидимому, составители этого изданія не считали себя вправѣ распоряжаться "Перикломъ" какъ полной литературной собственностью издаваемого ими автора. Но это еще не все: путемъ очень остроумной комбинаціи Деліусу – которому мы слѣдуемъ въ этой главѣ – удалось

опредѣлить имя Шекспирова сотрудника, а новѣйшіе критики (Флэ, Бойль) привели новыя доказательства въ пользу этой комбинаціи.

Дѣло въ томъ, что въ томъ же 1608 г. нѣкто Джорджъ Уилькинсъ выпустилъ повѣсть подъ слѣдующимъ, по обычаю того времени неуклюжимъ заглавіемъ: "Горестныя приключенія Перикла, князя Тирскаго. Подлинный пересказъ драмы о Периклѣ, каковой она была недавно представлена¹ почтеннымъ стариннымъ поэтомъ Джономъ Гоуеромъ". Это, дѣйствительно, довольно точный пересказъ нашей драмы; тѣмъ болѣе странно, что Уилькинсъ называетъ его въ предисловіи: "бѣднымъ дѣтищемъ своего мозга" (a poor infant of my braine). Конечно, при крайней растяжимости понятія литературной собственности возможно, что невзыскательный писатель и пересказъ драмы въ новеллистической формѣ счелъ достаточнымъ проявленіемъ поэтическаго творчества; но въ томъ то и дѣло, что Уилькинсъ такимъ невзыскательнымъ писателемъ не былъ. Онъ и самъ былъ драматургомъ; сохранившаяся его драма подъ заглавіемъ "Несчастья насильственнаго брака" (the miseries of inforst marriage), хотя и не даетъ высокаго понятія объ его талантѣ, но все же доказываетъ его несомнѣнную писательскую самостоятельность. Но это еще не все: только что упомянутая драма Уилькинса и по содержанію, и по языку, и по технику сильно напоминаетъ нешекспировскія части какъ "Перикла" (т.-е главнымъ образомъ, первые два акта), такъ и "Тимона Аѣинскаго". Особенно убѣдительную, хотя и внѣшнюю улику указалъ Fleay: это – число рифмованныхъ стиховъ какъ въ обѣихъ частяхъ "Перикла", такъ и у Уилькинса. Ихъ всего 14 въ послѣднихъ трехъ актахъ противъ 195 въ первыхъ двухъ: и это послѣднее число вполнѣ соотвѣтствуетъ манерѣ Уилькинса. Впрочемъ, не менѣе убѣдительное и болѣе интересное соображеніе высказалъ Клебсъ въ упомянутой выше книгѣ; а такъ какъ оно касается отношенія авторовъ "Перикла" къ своимъ источникамъ, то будетъ полезно сказать о немъ подробнѣе.

Изъ самой драмы видно, что источникомъ ея былъ главнымъ образомъ Гоуеръ: не даромъ его духъ приглашается въ первомъ прологѣ "вновь спѣть пѣсню, давно

имъ пропѣтую". Но мнѣніе, будто онъ былъ единственнымъ ея источникомъ, ошибочно: сравненіе "Перикла" съ Гоуеромъ съ одной стороны и "исторіей" Аполлонія съ другой доказываютъ намъ, что авторами была привлечена также и эта послѣдняя, а именно въ передѣлкѣ Туэйна (Twine), который читалъ ее въ знаменитомъ сборникѣ 14 вѣка, озаглавленномъ "Gesta Romanorum". Такимъ образомъ генеалогія нашего "Перикла" представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Historia Apollonii.

|

Христіанская редакція.

Готфридъ Витербскій.

Gesta Romanorum.

Гоуеръ.

Туэйнъ.

Перикль.

Кстати: переводъ Туэйна появился въ 1600 – 1608 г. новымъ изданіемъ, такъ что и это обстоятельство говоритъ въ пользу принятой нами хронологіи "Перикла". – Итакъ, авторы Перикла пользовались двумя источниками – но неодинаково. Уилькинсъ явно предпочитаетъ Гоуера, Шекспиръ столь же замѣтно старается замѣнить его первоисточникомъ, т.-е. самой "исторіей" въ передѣлкѣ Туэйна (Клебсъ, стр. 477).

V.

Сказаннаго достаточно для посвященія читателя-неспеціалиста во внѣшнюю такъ сказать обстановку "Перикла"; приступая къ анализу и характеристикѣ самой драмы, мы повторяемъ высказанное въ самомъ началѣ нашего очерка предостереженіе – что онъ будетъ имѣть дѣло съ поэмой, очень популярной въ свое время, но очень мало соотвѣтствующей вкусамъ нашей образованной публики. Наша публика отвергла даже романъ приключеній – еще менѣе въ состояніи она выносить вольную технику нанизанныхъ одно на другое приключеній въ драмѣ, этомъ сосредоточенномъ единствомъ дѣйствія, характеровъ, идеи, литературномъ произведеніи.

Вотъ тутъ то и слѣдуетъ остерегаться увлеченій и несправедливости. То требованіе къ драмѣ, которое ставимъ мы подъ косвеннымъ влияніемъ античной трагедіи, не ставилось къ англійской драмѣ² въ эпоху Возрожденія: для этого ея связь съ безформенными моралитетами среднихъ вѣковъ была слишкомъ велика. Съ точки зрѣнія этой эпохи обработать въ драматической формѣ исторію Аполлонія было въ принципѣ ничуть не рискованнѣе, чѣмъ обработать исторію какого-нибудь англійскаго короля изъ хроники Голиншеда. Разница если и

была, то чисто количественная; а для того, чтобы уложить этот количественный излишек в рамку драмы, можно было прибѣгнуть къ довольно простому средству, не разъ практиковавшемуся на англійской сценѣ – а именно, къ соединенію эпического повѣствованія съ драматическимъ дѣйствіемъ. Чего нельзя было представить на сценѣ, то могъ рассказать прологистъ: изрѣдка можно было придти на помощь его сухому разсказу пантомимой. Такъ и было сдѣлано; это можетъ намъ не нравиться, но не слѣдуетъ упрекать автора – будь это Уилькинсъ или Шекспиръ – въ томъ, что по обычаямъ его эпохи вовсе не было недостаткомъ. Прологистомъ авторъ избралъ Гоуера; это было данью благодарности тому поэту, который былъ его главнымъ источникомъ. А разъ рѣшившись вывести на сцену этого представителя ранней англійской поэзіи, авторъ соблюлъ и внутреннее правдоподобіе въ тѣхъ рѣчахъ, которыя онъ ему влагаетъ въ уста. Правда, онъ не заставляетъ его говорить языкомъ эпохи Плантагенетовъ, но онъ пользуется тѣмъ же четырехстопнымъ ямбомъ, которымъ написана и "Исповѣдь влюбленнаго", воспроизводитъ тотъ же однообразный былинный стихъ, который такъ быстро надоѣдаетъ намъ въ ней; мало того – онъ подражаетъ своему образцу и въ его беззаботности относительно риѣмъ. Критики не преминули вмѣнить ему эту беззаботность въ вину, они цитируютъ взапуски, какъ ужасающій примѣръ, заключительное двустопіе изъ пролога къ IV дѣйствію:

Dionyza doth appear
With Leonine, a murderer.

(въ переводѣ эта особенность, разумѣется, пропадаетъ); но они забываютъ при этомъ, что, если бы мы имѣли здѣсь неряшливость самого автора, а не сознательное подражаніе образцу, то она проявилась бы и въ тѣхъ 195 риѣмованныхъ стихахъ, которые встрѣчаются въ первыхъ двухъ актахъ драмы. Нѣтъ, авторъ здѣсь несомнѣнно

8

архаизируетъ, а этотъ архаизмъ – столь же несомнѣнно нешекспировская черта.

Вообще же объ этихъ прологахъ мало можно сказать хорошаго; они скучноваты, многословны и часто повторяютъ извѣстное намъ уже изъ самаго дѣйствія. Но вотъ занавѣсъ поднимается, передъ нами событія, дѣйствія, живыя рѣчи, характеры. Что сказать о нихъ?

VI.

На первых порах – тоже немного утешительного.

Мы в Антиохии; передь нами – Антиохъ съ дочерью и Аполлоній. То есть, нѣтъ: не Аполлоній, а Перикль; это переименованіе требуетъ объясненія. Аполлоній такъ же мало годился для пятистопнаго ямба Уилькинса, какъ и для четырехстопнаго Гоуера; этотъ послѣдній, поэтому, передѣлалъ его в Аполлина; почему нашъ авторъ не послѣдовалъ его примѣру? Скажутъ: филологическая совѣсть шевельнулась. Конечно, Аполлинъ – совершенно невозможное имя; но оно ничуть не хуже Діонизы (вм. Діонисіи), не говоря уже о Thaise и Philoten. Нѣтъ, причина была другая: въ тѣ времена пользовалась широкой извѣстностью поэма Сиднея "Аркадія", и вотъ ея то героя, Пирокла (Pyrocles), расчетливый авторъ и усыновилъ. На это имѣются опредѣленные улики; но какимъ образомъ Пирокль превратился въ Перикла – это другой вопросъ. Быть можетъ, Шекспиръ не пожелалъ пользоваться отраженіемъ чужой славы; быть можетъ, дальнѣйшее преобразование было дѣломъ простого авторскаго каприза.

Какъ бы то ни было, передь нами Перикль въ присутствіи преступной четы. Рѣчи обоихъ мужчинъ чисто шаблонныя; впрочемъ, другого отъ нихъ пока и требовать нельзя. Но вотъ заговорила и прекрасная Гесперида, жертва и соучастница отцовскаго нечестія; она желаетъ смѣлому пришельцу быть счастливѣе всѣхъ, которые пытались счастья до тѣхъ поръ. Что это? искреннее пожеланіе, вопль растерзаннаго стыдомъ и раскаяніемъ сердца? Но если такъ, то къ чему выбирать такую загадку, разгадка которой не можетъ не внушить жениху отвращенія къ запятнанной невѣстѣ! Нѣтъ, какъ это ни больно, а приходится признать, что и здѣсь мы имѣемъ формальную, шаблонную вѣжливость, и болѣе ничего. – Загадка, черезъ чуръ уже прозрачная, прочитана: рѣшеніе найдено; Перикль сначала въ туманныхъ, затѣмъ во все болѣе и болѣе ясныхъ выраженіяхъ даетъ царю понять, что его тайна обнаружена. Это мѣсто не безъ достоинствъ, особенно въ аллегоріи съ кротомъ хотѣли видѣть проблескъ Шекспировскаго гения. Конечно, эта аллегорія приковываетъ наше вниманіе, чувствуется, что въ ней есть что то недюжинное; но картина расплывается, лишь только мы всмотримся въ нее попристальнѣе. Нѣтъ, скорѣе правъ Деліусъ, видящій здѣсь "вымученную туманность, съ притязаніемъ на философское глубокомысліе" (стр. 181). – Остальныя событія въ Антиохіи чередуются быстро. Рѣшеніе Перикла – рѣшеніе Антиоха – порученіе Антиоха Талиарду – бѣгство Перикла, – всѣ эти сцены ничего намъ не даютъ, кромѣ самой заурядной драматизаціи эпическаго разсказа.

Слѣдующія сцены переносятъ насъ въ Тиръ: ихъ содержаніе – уходъ изъ родины Перикла и передача власти Геликану. Задачей поэта было – выдвинуть этого послѣдняго изъ среды прочихъ вельможъ настолько, чтобы такое отличіе показалось намъ понятнымъ; онъ это сознавалъ, но силы ему измѣнили, и онъ потерпѣлъ полное фіаско. Дебютъ Геликана

такъ же страненъ, какъ и гнѣвъ Перикла: онъ упрекаетъ своихъ товарищей въ лести, въ которой никто изъ нихъ не провинился; зарождается даже подозрѣніе, не сократила ли рука редактора рѣчи обоихъ царедворцевъ, отъ которыхъ осталось только три совершенно безцвѣтныхъ стиха. Но нѣтъ: вся сцена скомпонована одинаково неудовлетворительно; вездѣ видно письмо неумѣлаго подражателя, который при всемъ желаніи быть глубокомысленнымъ, нигдѣ не подымается выше посредственности. Одно только мѣсто составляетъ отрадное исключеніе: это – рѣчь Перикла въ началѣ Тирскихъ сценъ. Это уже не шаблонъ: поэтъ далъ намъ то, чего мы не встрѣчали и не встрѣтимъ во всемъ первомъ дѣйствіи – характеристику. Периклъ весь отдался тоскѣ, попытки царедворцевъ доставить ему развлеченіе только раздражаютъ его. "Оставьте меня! Къ чему эти смѣны³ въ мысляхъ? Меланхолія съ тупымъ взоромъ – моя привычная спутница..." Теперь мы можемъ сопоставить съ *этимъ* Перикломъ того, котораго мы видѣли въ Антиохіи, того, который "подобно веселому бойцу", готовъ былъ отдать жизнь

9

за надежду добыть плодъ Геспериды: плодъ оказался отравленнымъ – это сознание отравило и надежды – и веселье, и самую жизнь героя. Это мотивъ не новый: такъ и Гамлетъ отдался неотлучной спутницѣ – меланхоліи, послѣ того какъ онъ извѣрился въ чистотѣ своей матери; и какъ хорошъ весь этотъ монологъ Перикла, какъ удачно сравненіе, которымъ онъ кончается! Вездѣ видна рука мастера; трудно отказаться отъ мысли, что здѣсь передъ нами – письмо Шекспира, воспользовавшагося для Перикла остатками тѣхъ красокъ, которыми онъ нѣкогда написалъ Гамлета.

Итакъ, основаніе характеристики положено; зная содержаніе "исторіи", мы можемъ представить себѣ ея развитіе. Грусть Гамлета была неизлѣчимой: ядъ, отравившій его жизнь, исходилъ отъ матери, а другой матери судьба ему дать не могла. Другое дѣло – грусть Перикла; ея причиной была возлюбленная, излѣчить ее могъ, въ союзѣ со всеисцѣляющимъ временемъ, другой, болѣе достойный предметъ любви. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія этой спасительницы, киренской царевны, доброй и милой, какъ Офелія, но счастливѣе ея...

Сцены въ Тарсѣ насъ только задерживаютъ; конечно, онѣ нужны для поэта – надо же представить намъ будущихъ пріемныхъ родителей "дочери моря" – но намъ ихъ смыслъ почти непонятенъ, да и сами онѣ очень посредственны. Клеонъ – такъ переименовалъ поэтъ традиціоннаго Странвилліона, – рассказываетъ своей женѣ вещи, которыя она сама отлично знаетъ; и онъ знаетъ, что она ихъ знаетъ – и

что рассказ его не нужен, и мотивирует его желанием усыпить – собственное горе картиною чужих бедствий, совершенно забывая, что он этим вводит непозволительно наивный драматургический прием. Риторическая отсылка речей Клеона не должна нас смущать: со своими антитезами и гиперболами она совершенно в духе модного в то время "юфуизма" (euphuism), и мы можем быть уверены, что даже такая явная неловкость, как с "отвращением" произносилось самое слово: помощь" (the name of help grew odious to repeat), была гордостью ее автора. Зато дебют Перикла мы склонны признать слишком мимолетным; к тому же он страдает маленькой несообразностью. Восторг об избавлении от голода с восторгом приветствуется присутствующими (omnes): "боги Греции да хранят тебя! мы будем молиться за тебя!" (we will pray for you); Перикл отвечает: "встаньте, прошу вас, встаньте! Мне нужна любовь, а не почитание" (we do not look for reverence, but for love). Так мог он отвечать только тогда, если присутствующие молились не за него, а на него; не произошло ли здесь редакторского изменения первоначальной концепции?⁴

Но, повторяю, сцены в Тарсе нас только задерживают: мы торопимся в Кирену, к ожидаемой спасительнице. Пусть любовь благодарных тарсян облегчила грусть героя: окончательно излечить его может только та, которая замнит собою образ опороченной антиохийской царевны. Познакомит нас с нею второе действие.

VII.

Мы в Кирену или, как выражается поэт со слов своего источника Гоуера, в "Пентапол"; перед нами Перикл, спасшийся нагим из-под обломков разбитого и утонувшего корабля. Его монолог совершенно в духе предыдущих сцен; но вот повяло чьм то новым, – появляются три рыбака. Они говорят в прозе; их речи шуточного характера; вообще они и особенно третий из них играют роль излюбленных в английском театре "клоунов", для которых другого места в нашей трагедии нет. Эта переменная настроенная так понравилась некоторым критикам, что они не задумались признать руку Шекспира в сценах с рыбаками; конечно, тут нет ничего невозможного, не следует только забывать, что клоуновое остроумие – особенность не одного только Шекспира, и что специально *это* остроумие им же показалось бы слабым в сравнении со схожими сценами в "Венецианском купце" и др.

Здесь нам впервые приходится отметить крупное изменение в фабуле. В "истории" нагой Аполлоний, получив очень скромную одежду, участвует в игре в мяч и побеждает всех своих партнеров. Это было

совершенно въ античномъ духѣ; современная Англія тоже, вѣроятно, оцѣнила бы этотъ мотивъ; но для Англіи Шекспировской эпохи требовалось состязаніе посерьезнѣе, требовался турниръ. А для турнира требуется панцырь, добыть который изъ глубины моря предоставляется, наперекоръ разсудку, рыбакамъ. О недостающихъ частяхъ вооруженія общають позаботиться тоже рыбаки – какъ, это ихъ дѣло; Перикль отправляется на турниръ. Здѣсь зрителями будутъ царь страны, Симонидъ, соотвѣтствующій въ "исторіи" Архистрату, и его красавица-дочь, Таиса... Какъ видитъ читатель, поэтъ далъ ей имя, которое первоначально принадлежало ей будущей дочери: Tarsia, Tharsia, Thaisia, Thaisa – мы можемъ еще прослѣдить въ различныхъ спискахъ и передѣлкахъ "исторіи" постепенную метаморфозу имени дочери Аполлонія – Перикла. Объ этомъ искаженіи можно пожалѣть: называя свою дочь Тарсіей, Аполлоній оказываетъ гражданамъ Тарса учтивость въ совершенно античномъ вкусѣ, и Странгвилліонъ, узнавъ отъ своей жены объ ея убійствѣ, коритъ ее между прочимъ и за то, что она убила дѣвушку, носившую имя ихъ родного города. Но, конечно, въ формѣ Thaisa эта связь уже не ощущалась, а такъ какъ нашъ поэтъ имѣлъ на примѣтѣ другое имя для своей "дочери моря", то ничто не мѣшало ему имя Таисы дать ей матери.

Насъ конечно интересуеетъ не столько имя Таисы, сколько сама она, спасительница и исцѣлительница Перикла... но тутъ мы испытываемъ полнѣйшее разочарованіе. Трудно представить себѣ болѣе сумбурное изложеніе. Поэтъ, повидимому, даже не сознавалъ, что его задача – описать развитіе страсти въ душѣ обоихъ героевъ, борьбу любви съ грустью у Перикла, борьбу любви съ дѣвическимъ стыдомъ у Таисы. Съ самаго начала Таиса влюблена въ Перикла, еще болѣе въ него влюбленъ Симонидъ. Перикль же держитъ себя совершенно пассивно, нигдѣ не обнаруживая ни малѣйшаго волненія по поводу заискиваній какъ Симонида, такъ и его дочери. Въ концѣ концовъ его на ней женятъ, чему онъ безропотно покоряется, но наше ожиданіе этимъ *inforced marriage* обмануто самымъ жестокимъ образомъ. Повидимому, у первоначального поэта не хватило таланта для его нелегкой задачи, Шекспиръ же отчаялся въ возможности одухотворить его рутинную работу и, махнувъ рукой на Таису, приберегъ свою палитру для новой героини, жизнь которой начинается со слѣдующаго, третьяго акта.

Тутъ съ самаго начала раздаются мощные звуки, заставляющіе насъ быстро забыть о бездушномъ второмъ актѣ со всѣми его нелѣпостями: видно, левъ проснулся. Шекспиръ заговорилъ. Перикль съ Таисой на морѣ, буря застигла ихъ какъ разъ въ то время, когда царица должна была дать жизнь новому существу. Контрастъ между разъяренной стихіей и беспомощностью новорожденного младенца понять и изображень поэтомъ съ той чуткостью и силой, которыя свойственны гениямъ. Намъ вспоминается схожее положеніе въ "плачѣ Данаи" поэта Симонида; трогательныя слова древнегреческой баллады, "засни, море, – засни, дитя, – засни, беспредѣльное горе!" хотѣлось бы поставить въ заголовокъ нашихъ сценъ, справедливо считающихся перломъ не только "Перикла", но и Шекспирова творчества вообще. При оглушительномъ шумѣ урагана Таиса родила дѣвочку и сама – такъ думаютъ ея приближенные – потеряла жизнь; кормилица Ликорида приноситъ отцу его малютку-дочь. Вникните въ технику – если это слово здѣсь умѣстно – благословенія ей Перикла; въ сущности это тотъ же антитетическій стиль того же юфуизма, какъ и въ сценѣ Клеона съ Діонизой. Но почему онъ насъ здѣсь за душу беретъ, между тѣмъ какъ тамъ онъ наводитъ скуку?

Да, это Шекспиръ; мы узнаемъ его по его широкому, могучему письму, но узнаемъ также и по той наивной географической беззаботности, которая была ему свойственна всю жизнь, отъ "Комедіи ошибокъ" до "Зимней сказки". На свой вопросъ, гдѣ они находятся, Перикль получаетъ отвѣтъ: "недалеко отъ Тарса" – значитъ, въ юго-восточной части Малой Азіи, у самыхъ границъ Сиріи. Тѣмъ не менѣе, когда бросаютъ ящикъ съ тѣломъ Таисы, волны уносятъ его къ Эфесу, что на западномъ побережьи той же Малой Азіи. У Уилькинса мы такой наивности не находимъ и, судя по его заботливости въ архаизированіи, врядъ-ли имѣемъ право ему ее приписать. Точно также и дальнѣйшія сцены, въ Эфесѣ и Тарсѣ, мы смѣло можемъ считать собственностью великаго поэта; конечно, онѣ не представляютъ того захватывающаго интереса, который имѣла для насъ сцена рожденія Марины, но онѣ написаны съ тактомъ, будучи одинаково чужды и безсвязности и

многословія – обоихъ недостатковъ, которыми грѣшатъ нешекспировскія части "Перикла". Кромѣ этихъ общихъ уликъ, критики обратили вниманіе на одну частичную – на роль музыки въ сценѣ пробужденія Таисы, напоминающую потрясающую сцену пробужденія Лира; но къ этой сценѣ мы найдемъ еще болѣе близкую параллель въ пятомъ актѣ.

Все же намъ кажется, что къ концу дѣйствія редакторская энергія Шекспира стала слабѣть: въ разговорѣ Перикла съ Клеономъ и Діонизой

оставлены мотивы, соотвѣтствовавшіе, повидимому, первоначальному эскизу драмы, но потерявшіе свой смыслъ въ шекспировской редакціи. Клеонъ обѣщаетъ Периклу вѣрно исполнить свой долгъ по отношенію къ Моринѣ и, на случай измѣны, призываетъ гнѣвъ боговъ "на себя и своихъ до конца поколѣній", совсѣмъ по античному. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ, писавшій эти слова, имѣлъ въ виду кару, постигшую Клеона и Діонизу за ихъ покушеніе на жизнь Морины; въ источникахъ эта кара описана подробно: не слѣдуетъ ли допустить, что и Уилькинсъ, рабски имъ слѣдовавшій, ее драматизировалъ? Между тѣмъ, въ шекспировской редакціи ея нѣтъ, а съ ней и самопроклятіе Клеона потеряло свой первоначальный, угрожающій смыслъ. – Съ еще большимъ вѣроятіемъ мы заключительную сцену можемъ приписать Уилькинсу; на это насъ наводитъ упоминаніе весталокъ, о которомъ будетъ сказано по поводу аналогичнаго мѣста въ четвертомъ дѣйствіи. Сама по себѣ эта сцена вполне безразлична, не отличаясь ни особенными достоинствами, ни особенными недостатками.

Теперь семья разъединена: мать въ Эфесѣ, отецъ на морѣ, дочь въ Тарсѣ; по примѣру "исторіи", и наши поэты оставляютъ обоихъ родителей, чтобы заняться исключительно или почти исключительно судьбой дочери. Этимъ введеніемъ новаго героя развитію дѣйствія въ драмѣ нанесенъ самый серьезный ущербъ; мы понимаемъ теперь, почему Шекспиръ отказался отъ дальнѣйшей психологической разработки характера Перикла и оставилъ нетронутымъ все второе дѣйствіе: ему все равно пришлось бы предоставить новаго Гамлета его судьбѣ, такъ какъ "исторія" не давала ему никакихъ матеріаловъ для того, чтобы заполнить огромный пробѣлъ въ его жизни отъ передачи Морины до ея нахождения въ послѣднемъ дѣйствіи. Онъ отправилъ его пока въ Тиръ, а затѣмъ пустилъ блуждать унылымъ призракомъ по проливамъ и бухтамъ Средиземнаго моря: его и нашъ интересъ сосредоточивается на новомъ героѣ драмы, дочери моря – Моринѣ (въ оригиналѣ *Marina*, отъ *mare*).

IX.

Четвертый актъ посвященъ исключительно ей. Морина выросла; чѣмъ дальше, тѣмъ больше она стала затмевать родную дочь своихъ пріемныхъ родителей, возбуждая этимъ зависть и ея самой, и еще болѣе ея матери, Діонизы. Со смертью своей кормилицы Ликориды она лишилась своего единственнаго друга въ домѣ Клеона; вмѣстѣ съ тѣмъ ея постоянныя прогулки къ кургану, насыпанному надъ прахомъ Ликориды по античному обычаю на берегу моря, облегчили ея ненавистницѣ исполненіе жестокаго плана. Она поручаетъ его своему служителю, Леонину (это имя Готфридъ далъ своднику; Шекспиръ, или Уилькинсъ,

перенесъ его на убійцу, оставляя сводника безыменнымъ. Повидимому, грубая проза отвратительныхъ сценъ въ домѣ терпимости показалась ему несомвѣстимой съ классическимъ именемъ его содержателя).

До сихъ поръ Діониза была совсѣмъ блѣдной и безсодержательной фигурой, подобно своему супругу и прочимъ твореніямъ тощей фантазіи Уилькинса; здѣсь впервые она является передъ нами характеромъ. Мы знаемъ уже, что ее гложетъ зависть; можно представить себѣ, какимъ ядомъ были пропитаны ея притворно ласковыя слова къ Маринѣ, въ которыхъ она называла ее "своимъ образцомъ" (*our paragon*), говорила объ ея "прекрасномъ видѣ, привлекавшемъ взоры молодыхъ и старыхъ" и отвлекавшемъ ихъ отъ ея родной дочери. Расписывая ея красоту, она воскрешала въ своемъ сознаниі то, что было непростительной виною и смертнымъ приговоромъ ея питомки, она не давала проснуться протесту своей усыпленной совѣсти. Да, эта совѣсть усыплена окончательно: ненависть, выросшая изъ материнской любви, такъ же стихійна въ своихъ проявленіяхъ, какъ и она. "Она срамила мою дочь", скажетъ она позднѣе (сц. 4) своему мужу, "стояла между ней и ея счастьемъ; никто не хотѣлъ смотрѣть на нее, всѣ преслѣдовали своими взорами лицо Морины, между тѣмъ какъ наша была посмѣшищемъ, жалкимъ уродомъ, недостойнымъ свѣта дня! Вотъ это меня возмуцало; а если ты находишь мой поступокъ чудовищнымъ, *то это значитъ, что ты не любишь своей дочери*; по моему, это подвигъ любви, который я совершила

12

за твое дитя". Тутъ спорить нельзя; передъ нами проявленіе непосредственнаго инстинкта, увѣреннаго въ своей цѣли и неразборчиваго въ средствахъ. Морина затмевала ея дочь – она⁵ велитъ Леонину ее убить; Леонинъ можетъ выдать ея поступокъ – она его отравляетъ; Перикль собирается пріѣхать за дочерью – она посвящаетъ въ свою тайну мужа, нисколько не сомнѣваясь, что онъ ее пойметъ и поможетъ ей скрыть слѣды преступленія. Отчаяніе и упреки Клеона она считаетъ достойными одного только презрѣнія: ей казалось, что ея мужъ, раздѣляя ея инстинкты, долженъ имѣть надъ ней перевѣсъ силы; его осужденіе она считаетъ доказательствомъ не противъ своихъ инстинктовъ, а противъ его силы – "видно, ты вторично дѣлаешься ребенкомъ", говоритъ она ему. Шекспиръ уже раньше изобразилъ схожую чету: это были – лордъ и лэди Макбетъ. Клеонъ и Діониза относятся къ нимъ точно такъ же, какъ Перикль въ первомъ дѣйствіи относился къ Гамлету.

Вернемся, однако, къ сценѣ покушенія на Морину. Насколько Діониза была многословна, настолько Леонинъ лакониченъ. Онъ нехотя

согласился исполнить свою роль палача – его жертва уже тогда казалась ему "чуднымъ созданиемъ" (a goodly creature). Теперь она передъ нимъ; на берегу моря мысли дочери моря невольно уносятся въ прошлое, къ той минутѣ, которая дала ей жизнь; ея мечты и предстоящая ей теперь судьба образуютъ безсознательный, но тѣмъ болѣе дѣйствительный контрастъ. Ея спутникъ не въ состояніи съ ней разговаривать – онъ не Діониза, совѣсть въ немъ не усыплена. Наконецъ, онъ грубо ее обрываетъ: "скорѣй твори молитву!" Переходъ крутъ, связи съ предыдущимъ нѣтъ никакой: но это не та ученическая безсвязность, которой грѣшили первые два акта – это безсвязность глубоко естественная и художественная. Дай Леонинъ Моринѣ продолжать ея трогательный рассказъ о своемъ рожденіи – и его рѣшимость растаяла бы, какъ ледъ подъ лучами весенняго солнца.

Покушеніе не удается, пираты похищаютъ Морину, она въ Митиленѣ, въ домѣ разврата. Поэтъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы контрастъ между нѣжной дѣвой и обстановкой, въ которую она попала, вышелъ какъ можно разительнѣе; эти краски онъ взялъ изъ грубой современности, а не изъ античной литературы, въ которой отталкивающее дѣйствіе разврата смягчается дымкой красоты. Съ новыми хозяевами Морины мы знакомимся заблаговременно: это – извѣстнаго рода клоунская параллель къ Клеону съ Діонизой. Сводникъ въ сущности не лишень "совѣсти": мало того, онъ galantuomo въ томъ смыслѣ, въ какомъ его товарищи по ремеслу въ Италіи и нынѣ себя такъ именуютъ. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы, обезпечивъ себѣ безбѣдную старость, передать заведеніе въ другія руки и затѣмъ подумать о чемъ то вродѣ спасенія души. Его супруга этой слабости не подвержена: зарабатывать средства къ жизни не запрещено; что же касается грѣха, то развѣ другіе безгрѣшны? Въ концѣ концовъ женскій инстинктъ беретъ верхъ надъ мужскимъ разумомъ; да и пора заняться болѣе практическими потребностями. А таковыя есть: достойная чета сильно нуждается въ "свѣжемъ товарѣ". И вотъ въ такую то обстановку попадаетъ Марина; описаніе, отвратительное и раньше, дѣлается еще отвратительнѣе въ моментъ ея появленія. Чистый, душистый цвѣтокъ падаетъ въ грязь, и вотъ грязь дѣлаетъ всякія усилія, чтобы его смять и испачкать. Сводникъ отступаетъ на задній планъ; его замѣняютъ болѣе рѣшительныя натуры, сводня и ихъ "вышибало". Но всѣ ихъ труды напрасны: гость за гостемъ приходятъ, но всѣ они, вмѣсто ожидаемаго чувственнаго наслажденія, находятъ въ домѣ сводника – свою собственную совѣсть; Морина стала геніемъ цѣломудрія... въ притонѣ разврата.

Все это на словахъ звучитъ недурно; но, думается намъ, не одинъ читатель найдетъ сцены обращенія мужчинъ до вышибалы включительно черезчуръ наивными. Ужъ очень простымъ и легкимъ дѣломъ представлялъ себѣ поэтъ вразумленіе грѣшниковъ! Или, быть

можетъ, люди были въ тѣ времена впечатлительнѣе нынѣшнихъ? – Да, это вѣрно: происходящее передъ нашими глазами ничуть не убѣдительно для насъ. Античный романистъ оставилъ своимъ новѣйшимъ послѣдователямъ непосильную для нихъ задачу – задачу переубѣжденія. Переубѣжденіе предполагаетъ переубѣдимость, а съ нею и человѣка античной, а не новѣйшей формаціи.

Одна подробность въ этихъ сценахъ привлекаетъ наше вниманіе. Мы исходили изъ предположенія, что авторомъ всей митиленской драмы былъ Шекспиръ; это предположеніе, будучи само по себѣ очень вѣроятно, подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ея источникомъ былъ

13

Туэйнъ, а не Гоуеръ (ср. гл. IV кон.). Между тѣмъ мы знаемъ беззаботность Шекспира по части архаизмовъ: если уже къ исходу древности исторія Аполлонія была охристіанена, а Гоуеръ еще усилилъ путаницу, то вѣроятно ли, чтобъ Шекспиръ взялъ на себя роль послѣдовательнаго возстановителя античной обстановки? Не думаемъ; зато эта роль вполнѣ къ лицу Уилькинсу, котораго мы уже знаемъ какъ архаиста. Теперь прошу обратить вниманіе на слѣдующій потѣшно наивный архаизмъ. Обращенный второй "джентльменъ" (сц. 5) далъ зарокъ никогда не посѣщать домовъ терпимости и спрашиваетъ своего знакомаго, не пойти ли имъ "слушать пѣніе весталокъ"? Конечно, Шекспиръ, если бѣ дѣло зависѣло отъ него, просто отправилъ бы новообращенныхъ отслужить обѣдню; но онъ былъ связанъ пуризомъ своего предшественника. Собственно весталокъ внѣ Рима не было; благодаря фантазіи Уилькинса таковыя оказались и въ Эфесѣ (д. III. стр. 4); могли быть, стало быть, и въ Митиленѣ. А ужъ кто виновенъ въ ихъ пѣніи, этого мы сказать не можемъ.

Х.

Соединеніе разъединенной семьи – задача пятаго акта, столь же шекспировскаго, какъ и оба предыдущіе. Не будемъ строги къ мотивировкѣ дѣйствія, торопливо и насильственно ведущаго къ развязкѣ; предоставимъ себя довѣрчиво поэту – не "Перикла", а старинной "исторіи", щедро высыпающему на нашего героя въ немного дней всѣ благодѣянія, въ которыхъ онъ столько лѣтъ такъ упорно ему отказывалъ. Корабль моряка-скитальца захалъ, наконецъ, и въ Митилену, самъ онъ въ шатрѣ на палубѣ, нѣмой и безчувственный; мгла

его несчастья плотно окутала его, отдѣляя его еще при жизни отъ міра живыхъ. По совѣту правителя Митилены Лисимаха, пришедшаго навѣстить знатнаго чужестранца, посылають за Мориной, чтобы она своею пѣснью вылѣчила его.

То, что теперь слѣдуетъ, намъ уже знакомо. Морина и Перикль – это то же самое, что Корделія и Лиръ. И тамъ, вѣдь, любящая дочь чарами своей нѣжности возвращаетъ міру живыхъ своего обезумѣвшаго отъ горя отца. Но, конечно, цѣльный и единый Лиръ возбуждаетъ наше участіе въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ неудачно огамлеченный герой стариннаго романа – тамъ Шекспиръ творилъ свободно, здѣсь онъ наносилъ на чужой рисунокъ взятыя съ чужой палитры краски. Сцена излѣченія Перикла дочерью подробно была описана въ "исторіи"; Шекспиръ довольно близко придерживается своего источника, драматизируя его эпическій рассказъ.

Но все же и въ нашей сценѣ красоты есть. Морина поетъ – Перикль ея не слышитъ; она съ нимъ заговариваетъ – онъ ее грубо отталкиваетъ⁶. Но именно это оскорбленіе и заставляетъ ее вспомнить о своемъ происхожденіи; только въ устахъ *обиженной* Морины умѣстны гордые слова, которыми она хочетъ оградить свое достоинство и которыя поневолѣ обращаютъ на нее вниманіе осиротѣлаго отца. Все это красиво, трогательно и въ то же время вполнѣ убѣдительно. Въ дальнѣйшемъ развитіи разговора есть длинноты; есть, кромѣ того, и одна крупная несообразность, о которой, однако, можно быть увѣреннымъ, что ни читатель, ни зритель ея съ перваго раза не замѣтитъ. Она связана съ тѣмъ, что можно бы назвать драматической полифоніей. Передъ нами отецъ, узнающій свою дочь, но также и дочь, узнающая своего отца; правильное развитіе психическаго акта узнаванія повело бы къ настоящей драматической полифоніи – перипетіямъ въ душѣ отца должны бы соответствовать такія же перипетіи въ душѣ дочери: по волненію, по торопливымъ вопросамъ чужестранца она должна бы мало по малу догадываться, кто передъ нею. Но это задача, слишкомъ трудная для наивныхъ поэтовъ, какими были Гомеръ и Шекспиръ – Софокль ее блистательно рѣшилъ

въ схожей сценѣ между Эдипомъ и Иокастой, непосредственно передъ смертью послѣдней. Ихъ психологія монофонная; Перикль стоитъ въ центрѣ сцены, роль Морины чисто служебная: она должна воскресить воспоминанія отца, до ея собственныхъ чувствъ поэту нѣтъ дѣла. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою отца, узнающаго потерянную дочь, но не видимъ дочери, узнающей потеряннаго отца.

Очень красивъ опять конецъ сцены. Пѣсня Морины точно застыла въ ухахъ у отца – она, вѣдь, еще не была его дочерью, когда онъ ее слышалъ. Теперь она какъ будто пробуждается; Перикль слышитъ музыку, "небесную музыку"; подъ ея звуки онъ засыпаетъ.

Для насъ интересъ драмы съ этой сценой исчерпанъ; слѣдующія – появленіе Діаны, соединеніе Перикла съ Таисой, послѣднія распоряженія Перикла – ничего къ ней не прибавляютъ, это – шумные мажорные аккорды, торжественно заключающіе симфонію.

XI.

Таковъ этотъ "Перикль", давшій, по мнѣнію современниковъ, Шекспиру право сравняться съ корифеями драматургическаго искусства классической старины. Намъ теперь легко, умудреннымъ опытомъ трехъ столѣтій, смѣяться надъ наивнымъ вердиктомъ, ставившимъ эту неорганическую работу двухъ (если не болѣе) поэтовъ, эту не вездѣ удачную драматизацію неважнаго романа въ одинъ рядъ съ "Эдипомъ" и "Медеей" и, косвенно, выше "Гамлета" и "Лира". Поистинѣ, "времена мѣняются, и мы мѣняемся съ ними".

Только кто это – эти "мы"?

Намъ извѣстно, каковъ былъ составъ публики, наслаждавшейся "Перикломъ". Въ одномъ анонимномъ памфлетѣ той эпохи читаются слѣдующіе стихи (указалъ на нихъ впервые Мелонъ): "съ удивленіемъ стоялъ я, смотрѣлъ на эту толпу, громко галдѣвшую точно на представленіи новой драмы; помѣщеніе кишѣло *смѣсью чистой публики съ чернью* (gentles mix'd with grooms), такъ что я вообразилъ, что всѣ они пришли смотрѣть Іоанну Шоръ или "Перикла".

Повидимому, чистая публика совершенно сходилась съ чернью въ оцѣнкѣ "Перикла"; этимъ объясняется его полный и продолжительный успѣхъ. Образование тогда еще не успѣло воздвигнуть стѣны между обѣими частями общества; то, чѣмъ привилегированная часть возвышалась надъ другой, лишь въ очень незначительной мѣрѣ затрогивало ея умственный элементъ, развитіе котораго было индивидуальнымъ, а не общественнымъ дѣломъ. Теперь "чистая публика" ушла впередъ; можно ли сказать то же самое о "черни"? Можно ли быть увѣреннымъ, что неподготовленная простая публика, имѣя выборъ между "Гамлетомъ" и "Перикломъ", отдастъ предпочтеніе первому? Тамъ глубокомысленная душевная трагедія, восхищающая насъ, но дающая неразвитому уму только "слова, слова, слова"; здѣсь пестрая вереница интересныхъ событій, возмутительныхъ или трогательныхъ картинъ съ конечнымъ торжествомъ добродѣтели, которое, правда, пріѣлось намъ, но нравится и понынѣ умамъ, неизмученнымъ работой мысли... Нѣтъ успѣхъ "Перикла", понятный на

порогъ семнадцатаго вѣка, былъ бы понятенъ и теперь, когда всѣ столѣтія живутъ вмѣстѣ, скрещиваясь и сплетаясь въ причудливомъ калейдоскопѣ современной жизни.

Ө. Зѣлинскій.

15

<Сверху на странице расположена фотография барельефа из Пергамских раскопок «Вооруженіе эллинскаго востока».>

Дѣйствующія лица:

АНТІОХЪ, царь Антіохіи.
ПЕРИКЛЪ, принцъ тирскій.
ГЕЛИКАНЪ. } тирскіе сановники.
ЭСКАНЪ. }
СИМОНИДЪ, царь Пентаполиса.
КЛЕОНЪ, правитель Тарса.
ЛИЗИМАХЪ, правитель Митилень.
ЦЕРИМОНЪ, эфесскій вельможа.
ТАЛЬЯРДЪ, антіохійскій вельможа.
ФИЛЕМОНЪ, слуга Церимона.
ЛЕОНИДЪ, слуга Діониссы.
МАРШАЛЪ.
СОДЕРЖАТЕЛЬ ПРИТОНА.
БОЛТЪ, его слуга.
ДОЧЬ АНТІОХА.
ДІОНИССА, жена Клеона.
ТАИСА, дочь Симонида.
МОРИНА, дочь Перикла и Таисы.
ЛИХОРИДА, няня Морины.
СВОДНЯ.
ДІАНА.
ГОВЕРЪ (Гоуеръ), какъ хоръ.
Вельможи, дамы, рыцари, моряки, пираты, рыбаки и гонцы.

Дѣйствіе происходитъ въ разныхъ странахъ.

16

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Передъ дворцомъ Антиоха).

Г О В Е Р Ъ . *(Входитъ).*

Чтобъ пѣсню спѣть минувшихъ лѣтъ,
Явился Говеръ вновь на свѣтъ;
Въ немъ пробудился прежній духъ,
Чтобъ глазъ плѣнять и тѣшить слухъ;
Не разъ на пиршествахъ гостей
Онъ пѣсню забавлялъ своей;
О прошлыхъ дняхъ его разсказъ
Вельможъ и дамъ плѣнял не разъ.
Онъ исправлять людей надѣясь
(*Et bonum quo antiquius, eo melius*),
Свои стихи порой писалъ
И, научая, забавлялъ.
Коль старецъ древній, вновь явясь,
Любовь къ себѣ пробудить въ васъ,
Онъ будетъ радъ, добру уча,
Сторѣть предъ вами, какъ свѣча.
Теперь прошу идти со мной
Въ Антиохію, градъ большой,
Что Антиохъ построилъ встарь;
Его столицей сдѣлалъ царь;
Какъ лѣтописцы говорятъ,
То лучшей былъ сирійскій градъ.
Жену взялъ царь; она жила
Недолго съ нимъ и умерла,
Оставивъ дочь, что красотой
Плѣняла. Щедрою рукой
Ей небеса повергли въ даръ
Всѣ обольщенья тайныхъ чаръ.
Отецъ къ ней страстью воспылалъ.
И въ преступленье съ нею впалъ.
Коль дочь скверна, отецъ сквернѣй,
Рѣшившись съ дочерью своей
Кровосмѣшенье совершить;
Но не порвать привычки нить:
Они забыли, средь утѣхъ,
Что совершаютъ гнусный грѣхъ.
О красотѣ ея проникъ
Повсюду слухъ. Прелестный ликъ

Преступной дѣвы всѣхъ плѣнялъ,
И витязь не одинъ искалъ
Ея руки. Чтобъ отогнать
Всѣхъ жениховъ и дочь не дать,
Преступной страстью увлечень,
Царь Антиохъ издалъ законъ,
Что тотъ, кто хочетъ въ жены брать
Принцессу, долженъ отгадать
Загадку. Кто же не пойметъ
Ея значенья, смерть найдетъ.
И многихъ принцевъ уже нѣтъ;
Здѣсь желтый черепъ, тамъ скелеть...
Но я теперь разстанусь съ вами;
Что впереди – узнайте сами. (*Уходитъ*).

СЦЕНА I.

Антиохія. Комната во дворцѣ.

Входятъ АНТИОХЪ, ПЕРИКЛЪ, и СВИТА.

АНТИОХЪ.

О, юный тирскій принцъ! тебѣ открылъ я
Опасность замышляемаго дѣла.

ПЕРИКЛЪ.

Да, Антиохъ; но смерть мнѣ не страшна
При мысли о величїи награды,
Что я могу со славою стяжать.

АНТИОХЪ.

Введите дочь мою въ вѣнчальномъ платьѣ,
Достойномъ даже Зевса самого,
Когда бъ онъ ей раскрылъ свои объятя.
При самомъ ужъ зачатїи ея,
Когда еще жива была Луцина,
Природа ей въ приданое дала
Красу, распространяющую радость,
И всѣ планеты въ ней соединили
Рѣдчайшія достоинства свои.

(*Музыка. Входитъ дочь Антиоха.*)

ПЕРИКЛЪ.

Она идетъ – весною убрана;
Ей граціи дары свои подносятъ;
Ея душа – незыблемое царство
Всѣхъ доблестей, что смертныхъ украшаютъ;
Ея лицо – скрижаль хвалебныхъ гимновъ,
Лишь счастью и отрадѣ посвященныхъ,
Которымъ горе чуждо. Лютый гнѣвъ
Сопутствовать не можетъ добротѣ,
Что дышетъ въ ней. О, праведные боги,
Создавшіе меня рабомъ любви,
Въ груди моей зажегшіе желанье
Вкусить плодовъ отъ древа неземного
Или пасть въ борьбѣ тяжелой и неровной.

17

Взываю къ вамъ! И васъ прошу помочь
Поклоннику и сыну вашей воли
Достигнуть безграничнаго блаженства.

АНТІОХЪ.

О, принцъ Периклъ!

ПЕРИКЛЪ.

Онъ сыномъ Антіоха
Назваться бы хотѣлъ.

АНТІОХЪ.

Передъ тобою
Садъ Гесперидъ съ плодами золотыми,
Что грозные драконы охраняютъ,
А потому коснуться ихъ опасно.
Ея прекрасный ликъ, какъ сводъ небесъ,
Тебя влечетъ къ нѣмому созерцанью
Ея безсчетныхъ прелестей; но ты
Ихъ обладанье долженъ заслужить;
Попытка не удастся – и пощады
Себѣ не жди. Не мало славныхъ принцевъ
Погибло здѣсь. Ихъ привлекла молва,
Ихъ страсть воспламеняла; но, увы!
Сраженные въ бою съ любовнымъ богомъ,

Они, какъ жертвы, пали. Только звѣзды
Покровомъ служатъ имъ. Взгляни на нихъ:
Безгласными устами блѣдныхъ лицъ
Они тебѣ совѣтуютъ бѣжать
Отъ гибельныхъ теней грозящей смерти.

ПЕРИКЛЪ.

Благодарю, что ты мнѣ далъ понять
Ничтожество земного бытія,
Что плоть мою ты къ смерти приготовилъ
Ужаснымъ этимъ зрѣлищемъ; быть можетъ,
Такая же меня постигнетъ участь.
О смерти мысль, какъ зеркало, должна
Насъ приучать къ тому, что жизнь лишь вздохъ,
Что на нее рассчитывать безумно;
А потому оставляю завѣщанье,
Беря примѣръ съ опаснаго больного,
Что знаетъ свѣтъ и небеса прозрѣль:
Объятый смертной мукой, онъ, какъ прежде,
Не дорожитъ утѣхами земными.
Тебѣ и добрымъ людямъ завѣщаю
Отрадный миръ, властителямъ пріятный;
Сокровища свои – тому народу,
Что мнѣ ихъ даровалъ.

(Обращаясь къ дочери Антиоха).

Тебѣ жъ одной –
Моей любви святой и чистый пламень!
Готовый въ путь къ погибели иль славы,
И худшее перенести сумѣю.

АНТИОХЪ.

Ты пренебрегъ совѣтами моими,
Прочти жъ загадку; если не поймешь
Того, что скрыто въ ней, клянуся я,
Умрешь, какъ тѣ, что пали до тебя.

<Сверху на странице расположена фотография античной статуи IV века до Р. Х. (Ватикан) «Покровительница города Антиохии» (Tiche Antiochia).>

Дочь.

Изъ всѣхъ лишь одному тебѣ желаю
Во всемъ я счастья и успѣха.

ПЕРИКЛЪ.

Какъ рыцарь, презирающій опасность,
Вступаю въ бой и внемлю лишь совѣтамъ,
Что мнѣ дають отвага и любовь.

(Читаетъ загадку)

"Хоть я на свѣтъ не родилась змѣей,
Питаюсь тѣломъ матери родной;
Какъ замужъ мнѣ идти пора пришла,
Въ своемъ отцѣ я мужа обрѣла.
Отца, супруга, сына вижу въ немъ;

18

Я мать, жена и дочь его при томъ.
Какъ это въ двухъ все можно сочетать, –
Чтобъ не погибнуть, надо отгадать".
Нѣмая смерть, тяжелое лѣкарство...
Скажите мнѣ, таинственные силы,
Что небеса усѣяли очами
Безчисленныхъ свѣтилъ, чтобъ созерцать
Дѣянiя людей, какъ вы могли
Ихъ не завѣсить мрачной пеленою,
Коль правда то, что я прочелъ, блѣднѣя?

(Беретъ принцессу за руку и обращается къ ней).

Ты, какъ хрусталь, бросаешь чудный свѣтъ;
Я шелъ къ тебѣ, святымъ огнемъ согрѣтъ;
Любовь къ тебѣ казалась свѣтлымъ сномъ;
Но ты – ларецъ роскошный, полный зломъ,
Я возмущень. Въ томъ чести нѣтъ, повѣрь,
Кто, видя грѣхъ, къ нему стучится въ дверь.
Ты – дивный альтистъ волшебнаго искусства;
Въ его струнахъ свои ты скрыла чувства;
Когда бы въ ладъ его раздался звонъ,
И небо, и боговъ плѣнилъ бы онъ;
Но до него коснулись тлѣнныя руки –
И подъ его разстроенные звуки
Лишь пляшетъ адъ; я шелъ къ тебѣ, любя;
Но я теперь ужъ не ищу тебя.

АНТІОХЪ.

О, принцъ Перикль, подъ страхомъ лютой смерти
Не прикасайся къ ней. Законы наши
Опасностью и въ этомъ угрожаютъ.
Прошелъ ужъ срокъ, назначенный тебѣ:
Иль отгадай, иль къ смерти приготовься.

ПЕРИКЛЬ.

Великій царь, не многимъ слушать лестно
О тѣхъ грѣхахъ, что любятъ совершать;
Тебя я оскорбилъ бы, все сказавъ,
Что отгадалъ. Имѣющему книгу,
Гдѣ внесены всѣ царскія дѣянья,
Вѣрнѣй ее закрытою держать.
Порокъ подобенъ вѣтру, что несется,
Въ глаза бросая пыль. Промчится онъ,
И вновь глаза очистятся отъ пыли;
Но кто бы удержать его хотѣлъ,
Жестоко поплатился бъ за попытку.
Незрящій кротъ, приподнимая землю,
Показываетъ небу, какъ она
Придавлена людьми, и умираетъ
За этотъ подвигъ, жалкое созданье!
Цари – земные боги. Имъ законъ
Лишь волей ихъ, въ порокахъ, начерченъ.
Коль грѣшенъ Зевсъ, кто Зевса обвинить?
Благоразумье мнѣ молчать велитъ.
Достаточно ужъ высказался я;
Есть тайны, что боятся блеска дня;
А каждый плоть свою любить привыкъ:
Чтобъ голову спасти, сдержу языкъ.

АНТІОХЪ (*въ сторону*).

Твоею головой владѣть хотѣлъ бы!
Онъ отгадалъ; прибѣгнуть надо къ ласкѣ.

(*Громко*).

О, юный тирскій принцъ! Хоть по закону
Ты казни подлежишь за то, что ложно
Ты разъяснилъ значеніе загадки,
Но, чувствуя твое происхожденье,
Мы иначе рѣшились поступить.
Мы сорокъ дней даемъ тебѣ отсрочки;
Коль въ это время тайну отгадаешь,
Мы съ радостью тебя признаемъ сыномъ;
Судить о томъ по нашей ласкѣ можешь.

До той поры получишь содержанье,
Что будетъ соответствовать вполнѣ
Твоимъ правамъ и нашему величью.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Перикла).

ПЕРИКЛЪ.

Ты хочешь преступленье лаской скрыть;
Но лицемѣрье хорошо лишь съ виду;
Коль правда, что въ разгадкѣ я ошибся,
Не осквернился ты кровосмѣшеньемъ;
Но ты не можешь быть отцомъ и сыномъ
Въ одно и то же время, если ты
Не палъ въ объятія дочери своей,
Даря ей ласки мужа, не отца.
Она бѣ не пожирала мать свою,
Когда бѣ ея не оскверняла ложа.
Она и ты – чудовищныя змѣи,
Что лучшими питаются цвѣтами,
А извергаютъ ядъ. Чтобъ не погибнуть,
Я отъ тебя стремиться долженъ прочь.
Преступныя дѣла мрачны, какъ ночь;
Оглаской ихъ тревожится злодѣй.
Чтобъ скрыть одно отъ свѣта и людей,
Онъ и въ другомъ готовъ принять участие.
Къ убійству такъ же близко сладострастье,
Какъ дымъ къ огню. Предательство и ядъ
Отъ срама и огласки грѣхъ хранятъ;
Они его и руки, и щиты.
Чтобъ скрыть позоръ, стараться будешь ты
Меня убить, коварный Антиохъ!
Спасусь, чтобъ цѣли ты достигъ не могъ.

(Уходитъ).

АНТИОХЪ *(возвращается)*.

АНТИОХЪ.

Загадку понялъ онъ, а потому
Онъ головою долженъ поплатиться.
Погибнетъ онъ, чтобъ тайною осталось
Нечестіе мое; чтобъ онъ не могъ
О тяжкомъ преступленіи Антиоха
Повѣдать міру. Каждое мгновенье

*<Сверху на странице расположен рисунок Джильберта (Gilbert)
«Перикль добивается руки дочери Антиоха».>*

Мнѣ дорого. Должна свершиться месть;
Коль онъ умретъ, свою спасу я честь.
Ко мнѣ! Кто тамъ?

(Входитъ Тальярдъ).

Тальярдъ.

Что приказать изволишь?

Антиохъ.

Тальярдъ, ты облеченъ довѣремъ нашимъ;
Мы тайныя дѣла тебѣ ввѣряемъ.
За преданность награду ты получишь.
Гляди, Тальярдъ: вотъ золото, вотъ ядъ.
Мы ненависть питаемъ къ принцу Тира
И умертвить его повелѣваемъ;
Ты о причинахъ спрашивать не смѣй!
Причина та, что это наша воля.
Исполнишь ли приказъ?

Тальярдъ.

Исполню вѣрно.

Антиохъ.

Ни слова больше.

(Входитъ Гонецъ).

Духъ переведи!
Съ какимъ извѣстьемъ спѣшнымъ ты примчался?

Гонецъ.

Принцъ Тира убѣжалъ. *(Уходитъ).*

АНТІОХЪ.

Коль хочешь жить,
Ты устремись за принцемъ, какъ стрѣла,
Что попадаетъ въ цѣль, не смѣй вернуться,
Не возвѣстя, что онъ окончилъ вѣкъ.

ТАЛЪЯРДЪ.

О, государь, когда къ нему съумѣю
Приблизиться на выстрѣль пистолета,
Не долго жить ему; затѣмъ, прости!

АНТІОХЪ.

Прости, Тальярдъ. Пока онъ не умретъ,
Не сбросить мнѣ съ души боязни гнетъ!

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Тиръ. Комната во дворцѣ.

Входитъ ПЕРИКЛЪ.

ПЕРИКЛЪ *(обращаясь къ находящимся извнѣ).*

Покоя моего не нарушайте!
Зачѣмъ меня гнетутъ своимъ наплывомъ
Тревожныхъ мечты? Обычной гостьей
Унылая подруга дней моихъ,
Нѣмая скорбь, является ко мнѣ.
Ни свѣтлый день, ни мирный отдыхъ ночи,
Могила, гдѣ страданье засыпаетъ,
Не могутъ мнѣ дарить успокоенья.
Меня развлечь стараются напасно;
Въ утѣхахъ для меня отрады нѣтъ;
Опасность, что грозила мнѣ, исчезла:
Отъ Антіоха такъ я удаленъ,
Что онъ меня настигнуть здѣсь не можетъ;
И что жъ? меня томятъ увеселенья
И не дарить покоя отдаленность.
Предчувствія грядущихъ испытаній
Тревожатъ духъ невольнымъ опасеньемъ;

И страхъ того, что можетъ приключиться,
Старѣя, превращается въ заботу
О томъ, чтобъ не нагрязнула бѣда.
Я не могу бороться съ Антиохомъ;
Такъ силенъ онъ, что всякое желанье
Ему легко осуществить. Онъ можетъ
Бояться оглашенья страшной тайны
Хотя бъ я обѣщаль ему молчать.
Моимъ онъ не повѣритъ увѣреньямъ
Въ любви и уваженьи, зная вѣрно,
Что я могу принести ему безчестье.
Чтобъ скрыть позоръ, къ насилью онъ прибѣгнетъ.
Онъ наводнитъ страну враждебнымъ войскомъ
И такъ надъ нею грозно пронесется,
Что, подданныхъ моихъ лишивъ отваги,
Ихъ побѣдитъ, не встрѣтивъ и отпора, –
И бѣдные невинно пострадаютъ.
Я лишь за нихъ боюсь, не за себя,
Цари сходны съ верхушками деревъ,
Что корни защищаютъ и хранятъ.
Я удрученъ заботою тяжелой
О подданныхъ моихъ – и потому
Я истомленъ и тѣломъ и душою.

(Входятъ Геликанъ и другіе сановники).

1-й сановникъ.

Да поселится радость и покой
Въ твоей душѣ священной!

2-й сановникъ.

Вкуси, вернувшись къ намъ,
Отраду и спокойствіе!

Геликанъ.

Довольно!

Пусть наставленье опыта раздастся...
Тотъ врагъ царя, кто хочетъ льстить ему.
Отъ лести раздуваются пороки,
Какъ пламя отъ мѣховъ. Кто внемлетъ ей,
Становится лишь искрой, что пылаетъ,
Бросая свѣтъ, какъ на нее подуютъ.
Правдивые и честные совѣты
Нужны царямъ; они, вѣдь, тоже люди,
А потому способны заблуждаться,

Когда угодникъ жалкій льститъ тебѣ,
Опасенъ онъ; за дерзкое сужденье
Простить иль покарать имѣешь власть.
Склонясь во прахъ, могу ль я ниже пасть?

ПЕРИКЛЪ.

Оставьте насъ однихъ; идите въ гавань,
Чтобъ корабли и грузы осмотрѣть.
Затѣмъ сюда вернитесь (*Сановники уходятъ*).

Геликанъ,

Ты взволновалъ меня. Что видишь ты
Въ моихъ очахъ?

ГЕЛИКАНЪ.

Я въ нихъ читаю гнѣвъ.

ПЕРИКЛЪ.

Опасенъ гнѣвъ царя. Своею рѣчью
Какъ смѣлъ его ты вызвать?

21

<Сверху на странице расположена фотография античной статуи II века до н. э. из фондов Лувра «Царь изъ династїи Антиоховъ», на которой изображен Антиох III.>

ГЕЛИКАНЪ.

Какъ растеня
Держать иногда взглянуть на небо,
Что пищу имъ даетъ.

ПЕРИКЛЪ.

Тебѣ извѣстно,
Что жизни я могу тебя лишить.

Геликанъ (*опускаясь на колѣни*).

Я наточилъ топоръ: рази, коль хочешь.

ПЕРИКЛЪ.

Возстанъ и сядь. Я вижу – ты не льстецъ;

Благодарю за то. Избави небо,
Чтобъ о винахъ своихъ цари внимали,
Завѣсивъ уши. Тотъ лишь другъ царя
И преданный служитель, кто умѣетъ
Его заставить мудростью своею
Совѣтамъ внять и подчиниться имъ.
По твоему, что жъ надо дѣлать мнѣ?

Г Е Л И К А Н Ъ .

Переносить съ терпѣніемъ то горе,
Что на себя накликаешь самъ.

П Е Р И К Л Ъ .

О, Геликанъ, ты дѣлаешь, какъ врачъ,
Что, прописавъ лѣкарство, самъ не хочетъ
Испробовать его. Внимай же мнѣ.
Я былъ у Антиоха и, какъ знаешь,
Опасности тяжелой подвергаясь,
Искалъ руки красавицы отмѣнной,
Что мнѣ могла бь потомство принести.
Потомство укрѣпляетъ власть царей
И подданнымъ приноситъ миръ и радость.
Ея лицо, красой, достойно неба;
Она жъ сама, – я шепотомъ скажу, –
Черна, какъ любострастье. Убѣдившись,
Что тайну я узналъ, отецъ преступный
Не сталъ карать, но къ ласкѣ обратился.
Когда тиранъ лобзаетъ, опасайся!
Усилился мой страхъ – и я бѣжалъ,
Благодаря покрову темной ночи.
Теперь я о послѣдствіяхъ забочусь.
Я знаю – онъ тиранъ, а страхъ тирановъ
Умѣриться не можетъ, а растеть
Быстрѣй, чѣмъ ихъ года. Боясь, что я
Повѣдаю, какъ много славныхъ принцевъ
Погибло неповинно, чтобы скрыть,
Что ложе опозорено его,
Мою страну онъ наводнитъ войсками,
Ища предлогъ въ вредѣ мной нанесенномъ,
И по винѣ моей, коль я виновенъ,
Моя страна объята будетъ бранью,
Что не даетъ пощады и невиннымъ.
Ея дѣтей люблю я и тебя,
А ты меня за это укоряешь.

Г Е Л И К А Н Ъ .

О, государь!

П Е Р И К Л Ъ .

Тяжелое раздумье
 Меня беретъ, съ лица сгоняя краску.
 Я сна совсѣмъ лишился. Эти думы
 Во мнѣ вселяють тысячи сомнѣній
 Въ возможности предотвратить грозу.
 Своей странѣ не знаю – какъ помочь;
 А потому томлюсь и день, и ночь.

Г Е Л И К А Н Ъ .

Ты мнѣ позволилъ правду говорить, –
 И потому я буду откровененъ.
 Коль ты боязнъ питаешь къ Антиохи
 И вправѣ ты тирана опасаться,
 Который хочетъ дни твои пресѣчь
 Иль тайною измѣной, иль войною,
 Отправься путешествовать на время,
 Пока его не укротится гнѣвъ
 Иль не погибнетъ онъ по волѣ рока.
 Кому нибудь правленье поручи;
 Коль мнѣ, о царь, довѣришь должность эту,
 Не будетъ день служить вѣрнѣе свѣту,
 Чѣмъ я тебѣ.

П Е Р И К Л Ъ .

Я въ вѣрности твоей
 Не сомнѣваюсь. Что предпримешь ты,
 Коль на мои онъ посягнетъ права
 Въ отсутствіи моемъ?

Г Е Л И К А Н Ъ .

Тогда земля,
 Что насъ вскормила съ лаской и любовью,
 Упьется и его, и нашей кровью!

П Е Р И К Л Ъ .

Прощай же, Тирь! свой путь направлю въ Тарсь;
Тамъ буду ждать извѣстій отъ тебя.
По нимъ соображу, что надо дѣлать.
Судьбу страны родной тебѣ вѣрю,
Того достойна опытность твоя.
Не надо клятвъ: и слову вѣрю я.
Кто слова своего сдержать не можетъ,
Въ томъ чести нѣтъ – и клятва не поможетъ.
Я убѣжденъ въ правдивости твоей
И знаю, что ты вѣренъ будешь ей.
Себя не опозоришь ты измѣной;
Другъ въ другъ не найдемъ мы перемѣны:
Ты будешь преданъ мнѣ, увѣренъ въ томъ,
А я останусь доблестнымъ царемъ!

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Тирь. Передняя дворца.

Входитъ Тальярдъ.

Тальярдъ. Вотъ – Тирь и его дворецъ. Я долженъ здѣсь убить царя Перикла; коль этого не сдѣлаю, я увѣренъ въ томъ, что меня повѣсятъ, когда я возвращусь во-свояси⁸. Это опасно. Я замѣчаю по всему, что онъ человекъ весьма умный: поступилъ онъ осмотрительно, отказавшись узнать тайны царя, когда его спросили, чего онъ отъ него хочетъ. Я замѣчаю теперь, что онъ имѣлъ на то основательныя причины. Коль царь прикажетъ кому нибудь сдѣлаться негодяемъ, тотъ обязанъ сдѣлаться имъ вслѣдствіе принесенной присяги. Но вотъ, идутъ сюда сановники Тира.

Входятъ Геликанъ, Эсканъ и другіе.

Геликанъ.

Достойные товарищи мои,
Вамъ ничего я больше не могу
Повѣдать объ отъѣздѣ государя.
Уѣхалъ онъ; объ этомъ утверждаетъ
Та грамота, что онъ оставилъ мнѣ.

Тальярдъ *(въ сторону)*.

Уѣхалъ царь!

Г Е Л И К А Н Ъ .

Вамъ сообщить могу
Причину, что заставила его
Уѣхать, не простясь со всѣми вами.
Въ то время, какъ онъ былъ у Антиоха...

Т А Л Ъ Я Р Д Ъ .

Что скажетъ онъ?

Г Е Л И К А Н Ъ .

Не знаю – почему,
Царя онъ въ гнѣвъ привелъ иль, можетъ быть,
Ему такъ показалось. Чтобъ загладить
Свою вину и доказать при этомъ,
Какъ онъ о ней глубоко сожалѣть,
Себѣ избралъ онъ долю моряка,
Который смерть ежеминутно видитъ.

Т А Л Ъ Я Р Д Ъ (*въ сторону*).

Прекрасно все устроилось; я вижу,
Что висѣлица мнѣ не угрожаетъ;
Отплытіе его меня спасетъ.
Узнавъ о томъ, нашъ царь не будетъ въ горѣ:
Онъ спасся здѣсь, за то погибнетъ въ морѣ.

23

Представляюсь имъ.

Миръ вамъ, вельможи Тира!

Г Е Л И К А Н Ъ .

Привѣтствуемъ посла отъ Антиоха!

Т А Л Ъ Я Р Д Ъ .

Пріѣхалъ я съ письмомъ къ царю Периклу;
Но, такъ какъ онъ отправился въ дорогу
И цѣль его поѣздки неизвѣстна,
Я долженъ отвезти письмо обратно.

Г Е Л И К А Н Ъ .

Ты правъ: намъ до письма и дѣла нѣтъ;

Оно не къ намъ, а къ нашему царю.
Но Тиръ глубоко преданъ Антиоху.
Позволь же намъ, страну твою любя,
Передъ отъѣздомъ угостить тебя!

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тарсъ. Комната въ домѣ правителя.

Входятъ КЛЕОНЪ, ДІОНИССА и свита.

КЛЕОНЪ.

О, Діонисса, здѣсь поищемъ отдыхъ;
Не облегчимъ ли собственнаго горя
Разказами о бѣдствіяхъ другихъ.

ДІОНИССА.

Несчастный другъ! то – тщетное старанье
Утѣшить скорбь: посредствомъ раздуванья
Ты не надѣйся пламя потушить!
Безумень тотъ, кто хочетъ гору срыть.
Коль цѣли онъ достигнетъ, трудъ теряя,
Повыше первой явится другая.
Такъ наша скорбь; растенье сходно съ ней:
Подстричь его – оно растетъ сильнѣй.

КЛЕОНЪ.

О, Діонисса, кто жъ, нуждаясь въ пищѣ,
Не скажетъ, что она необходима,
И до кончины голодъ утаить?
Пусть наши вопли воздухъ оглашаютъ;
Пускай изъ глазъ текутъ потоки слезъ,
Чтобъ до небесъ дошли моленья наши.
Коль небо спитъ, когда мы въ тяжкомъ горѣ,
Пусть раздаются стоны и рыданья,
Пока оно намъ помощи не явитъ;
Поэтому я буду говорить
О бѣдствіяхъ, переносимыхъ нами...
Не станетъ словъ, мнѣ помощи слезами!

ДИОНИССА.

Твое дѣлю я горе.

КЛЕОНЪ.

Въ гордомъ Тарсѣ,
Которымъ правлю я, цариль достатокъ;
Сокровища по улицамъ валялись,
Дивя собой прїѣзжихъ иноземцевъ;
Такъ высоко его вздымались башни,
Что крыши ихъ лобзали облака.
Такъ жители богато убирались,
Что каждый могъ бы зеркаломъ служить,
Чтобъ передъ нимъ въ наряды облекаться.
Накрытый столъ плѣнялъ убранствомъ глазъ.
Не столько для ѣды, какъ на показъ,
Онъ украшался щедрою рукой;
Безжалостно гнушались нищетою;
Накрыла гордость всѣхъ своимъ покровомъ,
И слово "помощь" стало браннымъ словомъ.

ДИОНИССА.

Да, это правда!

КЛЕОНЪ.

Небо возмутилось
И покарало Тарсѣ. Уста, что прежде
Ни море, ни земля, ни даже воздухъ
Не въ состоянїи были ублажить,
Хоть щедрыя даянїя приносили, –
Увяли отъ того, что пищи нѣтъ,
Какъ портятся дома, гдѣ нѣтъ жильцовъ.
Не болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ промчалось,
И тѣ жъ уста, что, полны пресыщенья,
Искали новыхъ яствъ, чтобъ тѣшить вкусъ, –
Теперь бы рады вымолить и хлѣба.
Тѣ матери, что золото бросали,
Чтобъ разряжать своихъ малютокъ милыхъ,
Готовы ихъ пожрать. Такъ страшень голодъ,
Что жены и мужья бросаютъ жребїи –
Кому скорѣе пасть, чтобъ дни другого
Продлить немного. Въ ужасѣ страна.
Здѣсь вопли мужъ бросаетъ, тамъ жена;
Спасенья нѣтъ; повсюду плачь и вой;
Въ страданьяхъ жертвы падаютъ толпой;

А у живыхъ недостаетъ и силы
Отъ голода погибшихъ класть въ могилы.
Не правда ль, что сказалъ я?

ДИОНИССА.

Наши щеки
И тускляя, безжизненные очи
Твои слова безмолвно подтверждаютъ.

КЛЕОНЪ.

О, если бѣ города, что пьютъ изъ чаши
Всѣхъ благъ земныхъ, обильемъ упиваясь,
Могли бы услышать нашъ скорбный вопль!

24

И ихъ постигнуть можетъ та же доля!
Послать бѣду – небесъ святая воля...

Входитъ САНОВНИКЪ.

САНОВНИКЪ.

Гдѣ мнѣ найти правителя?

КЛЕОНЪ.

Онъ здѣсь.

Какое горе хочешь сообщить?
На радость мы разсчитывать не смѣемъ.

САНОВНИКЪ.

Сюда плывутъ большіе корабли;
Отъ гавани они ужъ не далеко.

КЛЕОНЪ.

Я этого боялся. Никогда
Безъ спутника несчастье не приходитъ,
Готоваго наслѣдовать ему.
Какой-нибудь завистливый сосѣдъ,
Желая нашимъ горемъ поживиться,
Свои суда войсками нагрузилъ,
Чтобъ насъ сразить, сраженныхъ ужъ бѣдою,
И надо мной, несчастнымъ, одержать
Безславную побѣду.

С А Н О В Н И К Ъ .

Нѣтъ, не бойся!

Судя по бѣлымъ флагамъ, что мы видимъ,
Они несутъ намъ миръ – и къ намъ идутъ
Не какъ враги, а добрыми друзьями.

К Л Е О Н Ъ .

Ты говоришь, какъ тотъ, кто не слыхалъ,
Что, чѣмъ наружность лучше, тѣмъ она
Обманчивѣй бываетъ. Пусть они
Приносятъ, что желаютъ. Опасаться
Намъ нечего. Коль смерть они несутъ,
Могилы передъ нами ужъ отверсты;
Скажи ихъ предводителю, что мы
Его здѣсь ждемъ, чтобъ онъ повѣдалъ намъ,
Зачѣмъ сюда онъ прибылъ и откуда,
Какая цѣль его?

С А Н О В Н И К Ъ .

Сейчасъ отправлюсь.

(Уходитъ).

К Л Е О Н Ъ .

Коль это миръ, мы шлемъ ему привѣтъ;
Коль брань, у насъ къ отпору силы нѣтъ!

Входитъ ПЕРИКЛЪ со свитой.

П Е Р И К Л Ъ .

Правитель этихъ странъ! ты не подумай,
Что мы сюда прислали корабли,
Чтобъ ими устрашать. О вашемъ горѣ
Еще мы въ Тирѣ слышали и сами
Здѣсь, въ городѣ, со страхомъ увидали,
Какое васъ несчастіе постигло.
Мы къ вашимъ слезамъ скорби не прибавимъ,
А уменьшимъ ихъ горечь. Въ корабляхъ,
Какъ нѣкогда въ конѣ осады Трои,
Не скрыты, съ злостнымъ умысломъ, войска:
Всѣ корабли нагружены зерномъ, –
И мы страну отъ голода спасемъ.

В С Ъ .

За это, боги Греціи, храните
Великаго царя; мы за него

Молиться будемъ имъ.

ПЕРИКЛЪ.

Прошу васъ, встаньте!
Передо мной колѣна не склоняйте;
Я не ищущу почета, а любви,
И жду гостепріимнаго пріема.

КЛЕОНЪ.

Коль кто-нибудь тебѣ откажетъ въ немъ
И за твои благодаренія къ намъ
Тебѣ неблагодарностью заплатитъ,
Да разразитъ того проклятье неба!
Не вѣрю, чтобъ могло случиться это.
Теперь же я прошу тебя принять
Привѣтствія и города, и наши!

ПЕРИКЛЪ.

Твои мнѣ пожеланія пріятны;
Я погостить хочу въ твоей странѣ,
Пока судьба не улыбнется мнѣ.

<Внизу на странице расположен рисунок «Древне-греческій корабль».>

25

<Сверху на странице расположен рисунок Джильберта (Gilbert) «Пентаполисскіе рыбаки».>

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ ГОВЕРЪ.

Я двухъ царей представилъ вамъ;
Одинъ изъ нихъ, – о, тяжкій срамъ! –
Кровосмѣшеніемъ очерненъ:
Въ грѣхъ свой вѣкъ проводитъ онъ;
Другой – и доблестенъ, и смѣлъ;
Извѣстенъ правдой словъ и дѣлъ.

Его невзгоды злыя ждуть;
Не бойтесь! бѣдствія пройдутъ.
Вамъ предстоитъ узнать теперь,
Какъ иногда цѣной потерь
Стяжать возможно благодать:
Песчинку бросивъ, гору взять.
Все въ Тарсѣ добрый царь живетъ;
Встрѣчаетъ онъ вездѣ почетъ;
Ему готовы всѣ внимать;
Чтобы достойно честь воздать
Его дѣламъ, его уму,
Воздвигли памятникъ ему.
Но мнѣ пора покинуть васъ –
И потому прерву рассказъ.

ПАНТОМИМА.

Входятъ, съ одной стороны, ПЕРИКЛЪ, разговаривая съ КЛЕОНОМЪ; каждого изъ нихъ сопровождаетъ свита. Съ противоположной стороны входитъ ГОНЕЦЪ съ письмомъ къ Периклу, который даетъ его прочесть Клеону. Перикль награждаетъ гонца и возводитъ его въ рыцари. Затѣмъ Перикль и Клеонъ расходятся.

ГОВЕРЬ.

Все въ Тирѣ Геликанъ живетъ;
Но онъ не ѣстъ, какъ трутень, медь.
Добру уча, справляясь съ зломъ,
Онъ не живетъ чужимъ трудомъ.
Онъ свято чтитъ царя завѣтъ
И вотъ – прислалъ ему привѣтъ
И вѣсть о томъ, что въ Тирѣ былъ
Тальярдъ и смерть ему сулилъ,
А потому ему бѣ вѣрнѣй
Разстаться съ Тарсомъ поскорѣй.
Царь принялъ мудрости совѣтъ;
Надеждой жизнь спасти согрѣтъ,
Онъ ввѣрилъ вновь волнамъ морскимъ
Свою судьбу; но тутъ надъ нимъ
Бѣда тяжелая стряслась;
Вскипѣли волны, грянулъ громъ,
Корабль и всѣ пловцы на немъ
Пошли ко дну; лишь царь одинъ,
Извѣдавъ гнѣвъъ морскихъ пучинъ,
Спастися могъ; страданья полнъ,
Онъ долго былъ игрушкой волнъ;
Но, наконецъ, судьбой спасенъ –

На дальній берегъ вышелъ онъ.

26

Не расскажу вамъ продолженья;
Что дальше – дѣло представленья.

(Уходитъ).

СЦЕНА I.

Пентаполисъ. Открытый берегъ моря.

Входитъ ПЕРИКЛЪ, отряхая воду.

ПЕРИКЛЪ.

О, гнѣвныя созвѣзды, укротитесь!
Бушующія волны, громъ и вѣтры,
Вы забывать напрасно не должны,
Что человѣкъ покорень вашей власти
И вынести борьбы не можетъ съ вами!
Меня сразили вы! На груди скаль
Меня бросало море и носило
Изъ мѣста въ мѣсто; я въ живыхъ остался,
Чтобъ только о кончинѣ помышлять.
Къ несчастному явите состраданье!
Лишивъ меня друзей и достоянья,
Сдержите гнѣвъ. О, сжальтесь надо мной;
Я спасся отъ могилы водяной;
Но смерть моя, я знаю, неизбѣжна;
Хоть умереть мнѣ дайте безмятежно!

(Входятъ 3 РЫБАКА).

1-й РЫБАКЪ. Иди сюда, простофиля.

2-й РЫБАКЪ. Приходи сюда и тащи за собой сѣти.

1-й РЫБАКЪ. Торопись же, оборванецъ.

3-й РЫБАКЪ. Что прикажешь, хозяинъ?

1-й РЫБАКЪ. Не мямли, а то задамъ тебѣ.

3-й РЫБАКЪ. Я все сожалею о несчастныхъ, что волны
поглотили совсѣмъ у насъ въ виду.

1-й РЫБАКЪ. Меня совершенно разстроили крики о помощи этихъ бѣдныхъ людей, но мы сами еле-еле спаслись.

3-й РЫБАКЪ. Развѣ я не предсказывалъ, видя, какъ дельфинъ прыгалъ и носился по волнамъ, что случится недоброе? Они, какъ слышно, на половину рыба, на половину мясо. Будь они прокляты! Увидишь дельфина – такъ и знай, что придется покупаться. Удивляетъ меня, хозяинъ, какъ это рыбы живутъ въ морѣ!...

1-й РЫБАКЪ. Да такъ же, какъ и люди на землѣ. Богатый скупецъ подобенъ акулѣ: она, плескаясь, гонитъ передъ собой цѣлую ватагу мелкой рыбы, а затѣмъ и набиваетъ себѣ ею полный ротъ и пожираетъ ее всю. Такія акулы встрѣчаются, какъ я слыхалъ, и на землѣ; онѣ все глотаютъ, пока не спрячутъ въ утробѣ и приходъ, и церковь, и колокольню, и колокола, словомъ – все.

ПЕРИКЛЪ (*въ сторону*). Не дурно нравоученье.

3-й РЫБАКЪ. Исполни я должность звонаря, мнѣ было бы пріятно случиться на колокольнѣ въ этотъ день.

2-й РЫБАКЪ. Что такъ, любезный?

3-й РЫБАКЪ. Тогда бы и я угодилъ въ ея чрево и сталъ бы звонить, да такъ бы раззвонился, что она бы извергла и колокола, и колокольню, и приходъ, и церковь. Раздѣлай добрый царь Симонидъ мое мнѣнье...

ПЕРИКЛЪ (*въ сторону*). Симонидъ!

3-й РЫБАКЪ. Онъ бы очистилъ всю сторону отъ этихъ трутней, что поѣдаютъ весь медъ у пчель.

ПЕРИКЛЪ (*въ сторону*).

Привычки рыбъ съ успѣхомъ изучая,
Они о человѣческихъ порокахъ
Невольно вспоминаютъ. Царство водъ
Наводитъ ихъ на все, что люди хвалятъ
Иль осуждаютъ. (*Громко*). Честнымъ рыбакамъ
Въ трудахъ желаю счастья и успѣха!

2-й РЫБАКЪ. Что жъ, что мы честны? Какой изъ этого толкъ? Коль случится удачный день, вычеркни его изъ календаря и повѣрь, что никто о немъ не пожалѣетъ.

ПЕРИКЛЪ.

На берегъ вашъ меня извергло море.

2-й РЫБАКЪ. Какимъ же пьянымъ негодяемъ было море, если изрыгнуло тебя на нашу дорогу!...

ПЕРИКЛЪ.

Бушуя на просторѣ, непогода
И яростныя волны, какъ мячомъ,

Играли мной. Страдальца пожалѣйте.
Вась просить тотъ, кто еще просьбѣ не вѣдалъ.

1-й РЫБАКЪ. Ты не умѣешь просить. Жаль: у насъ здѣсь, въ Греціи, несравненно больше добываютъ, прося милостыню, чѣмъ мы трудомъ.

2-й РЫБАКЪ. Не умѣешь ли, по крайней мѣрѣ, ловить рыбу?

ПЕРИКЛЪ. Никогда не пробовалъ.

2-й РЫБАКЪ. Плохо твое дѣло: умрешь съ голоду; здѣсь, если не сумѣешь самъ что-нибудь выудить, ничего не добудешь.

ПЕРИКЛЪ.

Чѣмъ нѣкогда я былъ, того не помню;
Чѣмъ сталъ теперь, о томъ напоминаетъ
Жестокая нужда. Я весь дрожу

27

Отъ холода, и кровь застыла въ жилахъ;
Едва могу пошевелить языкъ,
О помощи взывая. Если вы
Не внемлете моленьямъ, мнѣ не жить;
Тогда прошу меня похоронить.

1-й РЫБАКЪ. Не зачѣмъ умирать: да спасутъ тебя отъ этого боги. Накинь мой плащъ и согрѣйся. Какой ты красивый малый! Мой домъ для тебя открытъ, пойдѣмъ; будетъ у насъ говядина для праздниковъ, рыба для постовъ, будутъ пироги и вафли; повѣрь, я гостю радъ.

ПЕРИКЛЪ. Отъ души благодарю.

2-й РЫБАКЪ. Ты сказалъ, любезный, что ты не въ состояніи нищенствовать?

ПЕРИКЛЪ. Могу только умолять.

2-й РЫБАКЪ. Только умолять? Такъ я самъ буду умолять и такимъ образомъ избѣгну розогъ.

ПЕРИКЛЪ. Возможно ль, что у васъ всѣхъ нищихъ порятъ?

2-й РЫБАКЪ. Нѣтъ, другъ, не всѣхъ, не всѣхъ. Если бы ихъ всѣхъ пороли, я бы съ радостью принялъ должность палача. Надо пойти, однако, хозяинъ, вытаскивать сѣти. *(Уходитъ съ 3-мъ рыбакомъ).*

ПЕРИКЛЪ *(въ сторону)*. Какъ этотъ честный смѣхъ ихъ краситъ трудъ.

1-й РЫБАКЪ. Знаешь ли ты, любезный, гдѣ находишься?

ПЕРИКЛЪ. Не совсѣмъ.

1-й РЫБАКЪ. Такъ я скажу тебѣ: нашъ городъ носить имя Пентаполиса, а царь нашъ – добрый Симонидъ.

ПЕРИКЛЬ. Вы его называете добрымъ царемъ Симонидомъ?

1-й РЫБАКЪ. Да, и онъ вполне заслужилъ это названье, благодаря мирному царствованію и хорошему управленію.

ПЕРИКЛЬ. Счастливъ этотъ царь, коль заслужилъ отъ подданныхъ названіе добраго за свое управленіе государствомъ. Въ какомъ разстояніи отъ этого побережья находится его дворець?

1-й РЫБАКЪ. До него не болѣе, какъ полдня пути. У нашего царя – красавица дочь; завтра день ея рожденья. Со всѣхъ концовъ свѣта съѣхались принцы и рыцари, чтобъ чествовать этотъ торжественный день турниромъ – и, добиваясь ея любви, ломать копьѣ въ честь ея.

ПЕРИКЛЬ. Если бѣ мое счастье могло равняться моимъ желаньямъ, какъ мнѣ было бы отрадно участвовать въ этомъ ристалищѣ.

1-й РЫБАКЪ. О, господинъ, нужно всему предоставлять свое теченіе; и чего человекъ не можетъ самъ добиться, онъ имѣетъ законное право раздобывать, жертвуя спасеніемъ души своей жены.

(2-й и 3-й рыбаки возвращаются, вытаскивая сеть).

Помоги, хозяинъ, помоги! Вотъ рыба, которая запуталась въ сѣти, какъ права бѣдняковъ запутываются въ сѣтяхъ законниковъ. Ну, наконецъ, вытащили сѣть, и могу сказать, не безъ труда; и что жъ? ожидаемая рыба превратилась въ ржавую кольчугу.

ПЕРИКЛЬ.

Кольчугу вы нашли? друзья, позвольте
Мнѣ на нее взглянуть; судьба мнѣ шлетъ
Возможность чѣмъ-нибудь вернуть потери!
Кольчуга эта мнѣ принадлежала;
Въ кончины часъ, отецъ съ такимъ наказомъ
Мнѣ передалъ ее: "Прошу тебя,
О, мой Перикль, бережь ее и холить;
Она щитомъ отъ смерти мнѣ служила;
Храни ее, какъ память обо мнѣ;
Быть можетъ, въ мигъ опасности и ты
Въ ней обрѣтешь охрану". Съ этихъ поръ
Не разставались мы, и я, какъ друга,
Любилъ ее; но буря разразилась, –
И море, что не вѣдаетъ пощады,
Меня съ ней разлучило, хоть теперь
Добычу возвратило, укротясь, –
И я могу съ своимъ мириться горемъ
Съ тѣхъ поръ, какъ даръ отца мнѣ отданъ моремъ.

1-й РЫБАКЪ. Что жъ ты намѣренъ дѣлать?

ПЕРИКЛЪ.

Вась просить

Мне уступить завѣтную кольчугу,
Что нѣкогда царю щитомъ служила;
По этому значку ее призналъ я.
Любимаго отца я память чту
И потому кольчуги добиваюсь.
Затѣмъ прошу мнѣ указать дорогу,
Ведущую къ дворцу; въ доспѣхахъ бранныхъ
Передъ царемъ, какъ рыцарь, я предстану.
Коль грозная судьба мнѣ улыбнется,
Я за добро вамъ отплачу добромъ;
А нѣтъ – останусь вашимъ должникомъ.

1-й РЫБАКЪ. Ты въ честь принцессы хочешь подвизаться?

ПЕРИКЛЪ. О, нѣтъ, хочу лишь доблесть показать.

1-й РЫБАКЪ. Возьми кольчугу – и да помогутъ тебѣ боги отличиться!

2-й РЫБАКЪ. Хорошо, любезный; но только помни, что, порвавъ сѣти, мы вытащили ихъ съ большимъ трудомъ; за это

28

слѣдуетъ вознагражденіе. Коль тебѣ удастся поправить обстоятельства, надѣюсь, что ты не забудешь тѣхъ, которые тебѣ помогли въ этомъ!...

ПЕРИКЛЪ.

Повѣрь, услуги вашей не забуду;
Вы дали мнѣ одежду, а коня,
Что зрителей плѣнить своей красою,
Добуду я за цѣнное кольцо,
Что море не могло съ руки сорвать.
Недостаетъ мнѣ только чепраковъ.

2-й РЫБАКЪ. И ихъ добудемъ; вырѣжи ихъ изъ моего лучшаго платья – и самъ я тебя провожу до дворца.

ПЕРИКЛЪ.

Во имя чести цѣль себѣ прославлю;
Возвышусь иль бѣду къ бѣдѣ прибавлю!

(Уходят).

СЦЕНА II.

**Дорога, ведущая къ ристалищу. Въ сторонѣ бесѣдки для царя,
принцессы и вельможъ.**

Входятъ СИМОНИДЪ, ТАИСА, вельможи и свита.

СИМОНИДЪ.

Гдѣ жъ рыцари? пора начать ристанье!

1-й ВЕЛЬМОЖА.

Всѣ собрались они; для представленья
Они лишь твоего прихода ждутъ.

СИМОНИДЪ.

Скажи, что мы готовы ихъ принять.
Устроили мы это торжество,
Чтобъ дочери отпраздновать рожденье;
Какъ чудо красоты, сидитъ она
И для того природой создана,
Чтобъ возбуждать восторгъ и удивленье.

ТАИСА.

Мой царственный отецъ, твои хваленья
Не въ мѣру льстятъ достоинствамъ моимъ.

СИМОНИДЪ.

Такъ слѣдуетъ: вѣдь, небо создаетъ
Земныхъ владыкъ подобными себѣ;
Въ пренебреженьи жемчугъ блескъ теряетъ;
Такъ и цари свою теряютъ силу,
Коль почестей имъ мало воздаютъ.
Когда предъ нами рыцари предстанутъ,
Ихъ помыслы должна ты объяснять
По выбраннымъ девизамъ.

ТАИСА.

Постараюсь,
Какъ слѣдуетъ, исполнить порученье.

(Входитъ рыцарь; онъ проходитъ; его оруженосецъ представляетъ его щитъ принцессы).

СИМОНИДЪ.

Кто первымъ предстаесть?

ТАИСА.

Спартанскій рыцарь;
Онъ выбралъ щитъ, что носитъ Эфіопа,
Который длань протягиваетъ къ солнцу.
Его девизъ: *Lux tua vita mihi*⁹.

СИМОНИДЪ.

Кто жизнь готовъ отдать, тотъ крѣпко любить.
(Второй рыцарь проходитъ).

А кто второй?

ТАИСА.

То – македонскій принцъ.
Ему эмблемой служить: рыцарь въ латахъ,
Что дамой побѣжденъ; подъ этимъ подпись
Гласить: *Piu pro dulzura que pro forza*¹⁰.

(Третій рыцарь проходитъ).

СИМОНИДЪ.

Кто третьимъ къ намъ пришелъ?

ТАИСА.

Сирійскій рыцарь;
Его девизъ – побѣдная награда
Съ словами: *Me rompaе provexit apex*¹¹.

(Четвертый рыцарь проходитъ).

СИМОНИДЪ.

Какой девизъ четвертаго щита?

ТАИСА.

Горящій факель, долу обращенный
И подпись: *Quod me alit, me extinguit*¹².

СИМОНИДЪ.

Онъ красоты провозглашаетъ власть;
Кто вѣренъ ей, тотъ съ честью можетъ пасть.

(Пятый рыцарь проходитъ).

ТАИСА.

На пятомъ нарисована рука,
Что держитъ въ тучѣ золота кусокъ
И золото на камнѣ испытуетъ.
Слова девиза: Sic spectanda fides¹³.

(Шестой рыцарь (Перикль) проходитъ).

29

СИМОНИДЪ.

Но кто шестой и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній,
Что самъ такъ ловко щитъ тебѣ представилъ?

ТАИСА.

Мнѣ кажется, онъ рыцарь иностранный;
Его эмблема – высохшая вѣтка
Съ верхушкой, что одна лишь зеленѣетъ.
Его девизъ гласитъ: in hac spe vivo¹⁴.

СИМОНИДЪ.

Девизъ прекраснѣйшій себѣ избралъ онъ
Въ его судьбѣ коль примешь ты участие,
Въ надеждѣ онъ извѣдать снова счастье.

1-й ВЕЛЬМОЖА.

По внѣшности онъ мало общается:
Его доспѣхи ржавчиной покрыты,
И по всему замѣтно, что онъ лучше
Кнутомъ владѣть умѣетъ, чѣмъ оружемъ.

2-й ВЕЛЬМОЖА.

Онъ, можетъ быть, и вправду иностранецъ:
Другой бы не осмѣлился прибыть
На торжество въ такихъ доспѣхахъ жалкихъ.

3-й ВЕЛЬМОЖА.

Ихъ, можетъ быть, не чистили нарочно
И ржавчину на нихъ приберегли,
Чтобъ самъ онъ могъ ихъ вычистить въ пыли.

СИМОНИДЪ.

Какая неразумная привычка
Лишь по наружности судить людей!
Но рыцари готовы. Въ галлерею
И намъ пора идти.

(Уходятъ; за сценой слышны громкіе крики: "О, жалкій рыцарь!").

СЦЕНА III.

Зала во дворцѣ. Накрытый столъ.

Входятъ СИМОНИДЪ, ТАИСА, дамы, вельможи, рыцари и
СВИТА.

СИМОНИДЪ.

О, рыцари, излишне говорить
О томъ, что мы вамъ рады. Я надѣюсь,
Что отъ меня вы перечня не ждали
Всѣхъ подвиговъ, что совершили вы;
Я не хочу служить листомъ заглавнымъ
Къ той книгѣ, что описываетъ ихъ;
Къ тому жъ оно напрасно: честь и доблесть
Умѣютъ сами выказать себя.
Прошу гостей готовиться къ веселью;
На пирѣ пусть оно намъ служитъ цѣлью!

ТАИСА.

Тебя жъ, мой гость и рыцарь, я царемъ
Провозглашаю нынѣшняго дня –
И подношу тебѣ вѣнокъ побѣды.

ПЕРИКЛЪ.

Случайности я болѣе обязанъ
Въ успѣхѣ, чѣмъ достоинствамъ моимъ.

*<На странице расположена фотография античной статуи III века до
н. в. (Рим, Ватикан) «Древне-греческій рыбакъ».>*

СИМОНИДЪ.

Суди, какъ хочешь; все жъ ты побѣдитель.

Завистниковъ межъ нами не найдешь.
Въ искусствѣ равныхъ нѣтъ; одинъ хорошъ,
А все другому долженъ уступить;
Всѣ доблестны они, а побѣдить
Лишь удалось тебѣ. Начнемте пиръ;
О, дочь моя, ты, праздника кумиръ,
Царицей же возсядь. Гостей моихъ
Разсадить маршалъ по заслугамъ ихъ.

30

РЫЦАРИ.

Благодаримъ за доброе вниманье.

СИМОНИДЪ.

Я честь люблю и радъ честнымъ гостямъ.
Кто чести врагъ, тотъ врагъ и небесамъ.

МАРШАЛЬ.

Вотъ мѣсто, что назначено тебѣ.

ПЕРИКЛЪ.

Я этого отличья не достоинъ.

МАРШАЛЬ.

Не возражай; мы зависти не знаемъ
И высшихъ чтимъ; ихъ доблестямъ дивясь,
Не презираемъ тѣхъ, что ниже насъ.

ПЕРИКЛЪ.

Благодарю за честь.

СИМОНИДЪ.

Садись, садись!

(Тихо). Клянуся Зевсомъ, богомъ размышленій,
Такъ мысль о немъ преслѣдуетъ меня,
Что въ ротъ нейдетъ кусокъ.

ТАИСА *(тихо)*.

Клянусь Юноной,
Богиней браковъ, такъ желаю я,
Чтобъ этотъ витязь сталъ моею пищей,
Что не могу дотронуться до яствъ!

Онъ – рыцарь благородный и отважный.

СИМОНИДЪ *(тихо)*.

Онъ просто деревенскій дворянинъ;
Переломавъ копьё иль два,
Немногимъ предъ другими отличился
И занимать не долженъ больше насъ.

ТАИСА *(тихо)*.

Онъ для меня, что предъ стекломъ алмазь.

ПЕРИКЛЪ *(тихо)*.

Съ моимъ отцомъ какъ сходень этотъ царь!
Онъ такъ же славень былъ и такъ же принцы
Какъ звѣзды, окружали тронъ его, –
И въ сонмѣ ихъ онъ всѣмъ казался солнцемъ.
Какъ меньшее свѣтило передъ большимъ,
Такъ передъ нимъ склонялися они.
А я свѣтлякъ, что блещетъ лишь въ тѣни
И меркнетъ, только день блеснетъ лучами.
Сѣдое время, ты царишь надъ нами!
Людей рождаешь ты и губишь ихъ,
И держишь ихъ судьбу въ рукахъ своихъ!

СИМОНИДЪ.

Не скучно ли вамъ, рыцари?

ВСЪ.

Возможно ль
Въ присутствіи царя не веселиться!

СИМОНИДЪ.

По самый край я кубокъ наполняю
И такъ, какъ вы привыкли это дѣлать,
Когда красавицъ чествовать хотите,
Я, полной чашей, пью здоровье ваше.

ВСЪ.

Премного благодарны!

СИМОНИДЪ.

Странно мнѣ,
Что рыцарь-побѣдитель что-то мраченъ,
Какъ будто пиръ, хотъ онъ богатъ и пышенъ,

Не по нему. Какъ думаешь, Таиса?

ТАИСА.

Какое же до этого мнѣ дѣло?

СИМОНИДЪ.

О, дочь моя! ты помни, что цари
Должны и въ этомъ дѣйствовать, какъ боги,
Что осыпають щедрыми дарами
Того, кто къ нимъ приходитъ на моленье.
Тотъ государь, что этому примѣру
Не слѣдуетъ, на комара похожъ:
Онъ все жужжить, а, коль его убьешь,
Ничтожностью своею поражаетъ.
А потому, чтобъ рыцаря потѣшить,
Скажи ему, что пью его здоровье.

ТАИСА.

О, мой отецъ, неловко съ незнакомцемъ
Такъ смѣло обращаться; онъ, пожалуй,
Мою любезность плохо объяснить:
Отъ женщины излишнее вниманье
Мужчина принимаетъ за признанье
И за безстыдство.

СИМОНИДЪ.

Дѣлай, какъ велю,
Иль раздражишь меня.

ТАИСА (*въ сторону*).

Клянусь богами,
Его приказъ я съ радостью исполню.

СИМОНИДЪ.

Скажи затѣмъ, что я узнать желаю,
Откуда онъ и какъ его зовутъ.

ТАИСА.

Мой царственный отецъ, отважный рыцарь,
Твое здоровье пьетъ.

ПЕРИКЛЪ.

Благодарю.

ТАИСА.

При этомъ онъ тебѣ желаетъ счастья.

ПЕРИКЛЪ.

Ему я благодаренъ и тебѣ –
И въ вашу честь свой кубокъ осушаю.

ТАИСА.

Онъ мнѣ велѣлъ, при томъ, тебя спросить,
Откуда ты и какъ тебя зовутъ?

ПЕРИКЛЪ.

Я тирскій дворянинъ; зовусь Перикломъ;
Военныя науки изучивъ,
Отправился искать я приключеній;
Но море, разразившись грозной бурей,
Меня судовъ и спутниковъ лишило
И бросило меня на этотъ берегъ.

ТАИСА.

Тебѣ онъ благодаренъ за привѣтъ;
Изъ Тира онъ; его зовутъ Перикломъ;
Онъ потерпѣлъ крушенье и, лишившись
Своихъ судовъ, сюда былъ брошенъ моремъ.

СИМОНИДЪ.

Я о его несчастьѣ сожалѣю
И прогоню печаль съ его лица.
Окончимъ пиръ. Мы долго засидѣлись,
Теряя только время понапрасну;
Пора искать другихъ увеселеній;
Прошу васъ поплясать въ доспѣхахъ бранныхъ;
Доспѣхи пляску рыцаря лишь красятъ;
Пусть мнѣ не говорятъ, что звонъ оружья
Не хорошо подѣйствуетъ на дамъ;
Всѣ дамы любятъ, что бы тамъ ни пѣли,
Мужчинъ въ оружьи такъ же, какъ въ постели.

(Рыцари пляшутъ).

Благодарю, отвѣтъ достоинъ просьбы;
Сюда, любезный рыцарь! здѣсь безъ дѣла

Скучаетъ дама; съ нею потанцуй;
Вѣдь, я слыхаль, что рыцари изъ Тира
Умѣютъ ловко съ дамами справляться
И мастера они въ степенныхъ танцахъ.

ПЕРИКЛЪ.

Да, государь, кто въ этомъ упражнялся.

СИМОНИДЪ.

Любезностью отдѣлаться не думай.

(Рыцари и дамы пляшутъ).

Пора и кончить; всѣмъ я благодаренъ;
Всѣ отличились вы; *(Периклу)* ты больше всѣхъ;
Позвать пажей, чтобъ рыцарей они
Въ ихъ комнаты съ свѣчами проводили.
Тебѣ жъ покой близъ нашихъ отведенъ.

ПЕРИКЛЪ.

Къ твоимъ услугамъ я.

СИМОНИДЪ.

Прощайте, принцы;

Пора и отдохнуть; за позднимъ часомъ
Любовные прервите разговоры,
Хоть вы отъ нихъ, пожалуй, и не прочь.
Вернетесь къ нимъ, когда промчится ночь.

(Уходятъ).

<На странице расположена фотография античной статуи II века до н. в. (Рим) «Рыбакъ».>

СЦЕНА IV.

Тирь; комната въ домѣ правителя.

Входятъ Геликанъ и Эсканъ.

ГЕЛИКАНЪ.

Эсканъ, узнай всю правду! Антиохъ

Свой гнусный вѣкъ мрачилъ кровосмѣшеньемъ,
И боги, не желая отложить
Возмездья за ужасный этотъ грѣхъ,

32

Его во всемъ величьи покарали.
Въ то время, какъ онъ съ дочерью своею
Въ роскошной колесницѣ возсѣдалъ,
На нихъ обоихъ палъ огонь небесный
И такъ ихъ изуродовалъ мгновенно,
Такъ разложилъ ихъ смрадныя тѣла,
Что даже тѣ, что ими восхищались,
Ихъ погребеньемъ рукъ не осквернили.

ЭСКАНЪ.

Какъ это странно!

ГЕЛИКАНЪ.

Нѣтъ, лишь правосудно:
Великъ былъ этотъ царь; но невозможно
Могуществомъ и волей отворотить
Боговъ всеильныхъ гнѣвные удары;
Тяжелый грѣхъ не могъ избѣгнуть кары.

ЭСКАНЪ.

Ты правъ вполнѣ.

Входятъ ДВОЕ или ТРОЕ ВЕЛЬМОЖЪ.

1-й ВЕЛЬМОЖА.

Никто довѣриемъ у Геликана
Не облеченъ въ той мѣрѣ, какъ Эсканъ
Его совѣтамъ онъ всегда внимаетъ.

2-й ВЕЛЬМОЖА.

Пора покончить съ тяжкимъ положеньемъ!

3-й ВЕЛЬМОЖА.

Кто не поможетъ намъ, да будетъ проклятъ!

1-й ВЕЛЬМОЖА.

Идите же за мной. О, Геликанъ,
Съ тобой поговорить желаемъ мы.

Г Е Л И К А Н Ъ .

Со мною? очень радъ. Привѣтъ вельможамъ!

1-й В Е Л Ъ М О Ж А .

Давно стоитъ предъ нами чаша горя;
Вотъ, вотъ оно прольется черезъ край.

Г Е Л И К А Н Ъ .

Чѣмъ недовольны вы? Любя царя,
Ему противиться вы, вѣрно, не хотите.

1-й В Е Л Ъ М О Ж А .

Ты самъ себѣ противиться не долженъ.
Коль царь нашъ живъ, его хотимъ мы видѣть;
Хотимъ узнать, какое государство
Присутствіемъ своимъ онъ осчастливилъ;
Коль царь нашъ живъ, его отыщемъ мы;
Коль умеръ – мы найдемъ его могилу;
На свѣтъ онъ – пусть нами управляетъ;
Погибъ – его кончину мы оплачемъ
И къ выбору свободному приступимъ.

2-й В Е Л Ъ М О Ж А .

Всего вѣрнѣй, что онъ давно скончался;
А такъ какъ государство безъ главы
Обречено погибели, какъ домъ,
Что крыши не имѣетъ, – мы хотимъ
Къ тебѣ съ нижайшей просьбой обратиться:
Бразды правленья въ руки ты бери;
Тебя избрать желаемъ мы въ цари.

В с ѣ .

Да здравствуетъ-же славный Геликанъ!

Г Е Л И К А Н Ъ .

Чтобъ вѣрными присягъ оставаться,
Повремените выборомъ своимъ;
Коль любите царя, повремените.
Когда исполню я желанье ваше,
Я окунусь въ клокочущее море,
Гдѣ человѣкъ за каждый свѣтлый мигъ
Часами скорби платить. Я прошу,
Чтобъ годъ еще царя вы подождали;
Коль срокъ пройдетъ, и не вернется царь,

Тогда я соглашусь съ терпѣньемъ старца
Нести правленья тяжкое ярмо.
Чтобъ доказать свою любовь къ царю,
Искать его по свѣту отправляйтесь,
Какъ подданнымъ хорошимъ подобаеть;
Ни ревность, ни отвагу не падите;
Коль вамъ его удастся отыскать
И возвратить сюда, – вы, какъ алмазы,
Заблещете среди его короны.

В с ъ .

Кто не внимаетъ мудрости совѣтамъ,
Въ томъ нѣтъ ума. Послушны Геликану,
Немедленно отправимся въ дорогу.

Г е л и к а н ъ .

Пожмемъ другъ другу руки, заключая
Союзъ любви. Тотъ край не можетъ пасть,
Гдѣ миръ и честь поддерживаютъ власть.

СЦЕНА V.

Пентаполисъ. Комната во дворцѣ.

Входитъ Симонидъ, читая письмо. Рыцари встрѣчаютъ его.

Рыц а р и .

Привѣтствуемъ и славимъ Симонида!

Симонидъ .

Мнѣ поручила дочь вамъ передать,
Что раньше года замужъ выходить
Она не хочетъ. Тщетно я старался
Узнать причину этого рѣшенья;
Причина только ей одной извѣстна.

<Сверху на странице расположен рисунок Джильберта (Gilbert)
«Перикль-побѣдитель».>

РЫЦАРИ.

Нельзя ль ее увидѣть?

Симонидъ.

Невозможно:

Она въ своихъ покояхъ заперлась;
Еще двѣнадцать мѣсяцевъ она
Діанѣ хочетъ вѣрной оставаться –
И поклялася въ томъ своею честью
И Цинтіи пресвѣтлыми очами.

РЫЦАРИ.

Хоть тяжело съ тобою разставаться,
Но время намъ откланяться тебѣ. (*Уходятъ*).

Симонидъ.

Какъ ловко я отдѣлался отъ нихъ!
Теперь примусь за дочери посланье.
Она мнѣ говоритъ, что выйдетъ замужъ
За рыцаря, что одержалъ побѣду,
Иль блеска дня ужъ больше не увидить.

34

Я, выборъ одобряя, радъ ему;
Но все жъ о томъ ей было неизвѣстно,
Какъ это я приму; но все равно –
Не затяну я дѣла. Вотъ – и онъ;
Притворствовать немного не мѣшаетъ.

ПЕРИКЛЬ (*входитъ*).

Во всемъ желаю счастья Симониду.

Симонидъ.

Такимъ же я желаньемъ отвѣчаю.
Благодарю за чудную игру,
Которой насъ плѣнилъ ты прошлой ночью.
Я никогда еще не тѣшилъ слуха

Гармоніей такой.

ПЕРИКЛЪ.

Меня ты хвалишь
По добротѣ, никакъ не по заслугамъ.

СИМОНИДЪ.

Ты музыки давать бы могъ уроки.

ПЕРИКЛЪ.

Мнѣ въ пору только быть ученикомъ.

СИМОНИДЪ.

Позволь тебя спросить, любезный рыцарь,
Какъ думаешь о дочери моей?

ПЕРИКЛЪ.

Принцесса – добродѣтелей палата.

СИМОНИДЪ.

При томъ она прекрасна!...

ПЕРИКЛЪ.

Да, прекрасна,
Какъ чудный лѣтній день.

СИМОНИДЪ.

Въ ея глазахъ
И ты – достойный рыцарь; въ ученицы
Она къ тебѣ желаетъ поступить;
Ты долженъ это къ свѣдѣнью принять.

ПЕРИКЛЪ.

Повѣрь, я не гожусь въ учителя.

СИМОНИДЪ.

Она не раздѣляетъ это мнѣнье.
Прочти ея письмо.

ПЕРИКЛЪ (*въ сторону*).

Глазамъ не вѣрю!
Въ своей любви принцесса признается.
То замыселъ царя на жизнь мою.

(*Громко*).

О, государь, зачѣмъ запутать хочешь
Ты рыцаря, сраженнаго несчастьемъ,
Что къ дочери твоей лишь относился
Съ глубокимъ уваженьемъ, о любви
И помышлять не смѣя.

Симонидъ.

Негодяй,
Ты дочь мою къ себѣ приворожилъ.

Периклъ.

Клянусь, не заслужилъ твоихъ упрековъ.
Я никогда ничѣмъ не вызывалъ
Ея любви, и гнѣвъ напрасенъ твой.

Симонидъ. Предатель, лжешь!

Периклъ. Предатель?

Симонидъ. Да, предатель.

Периклъ.

Лишь предъ царемъ склоняю я главу;
Другому отомстилъ бы за обиду.

Симонидъ.

Мнѣ нравится его неустрашимость.

Периклъ.

И помыслы, и дѣйствія мои
Полны и благородства и отваги;
Во имя чести прибылъ я сюда, –
Не для того, чтобъ стать бунтовщикомъ.
Кто съ этимъ не согласенъ, бойся мести!
Я докажу мечомъ, что тотъ врагъ чести.

Симонидъ.

Отъ дочери я разъясненій жду.

(Входитъ ТАИСА).

Периклъ.

Прекрасна ты и, вѣрно, правду любишь.
Разгнѣванъ твой отецъ; ему повѣдай,
Что о любви ни словомъ, ни письмомъ,
Тебѣ не намекалъ я никогда.

ТАИСА.

Будь это правда, въ чемъ же тутъ бѣда?
Меня не оскорбилъ бы ты участиемъ,
Когда его я почитаю счастьемъ.

СИМОНИДЪ.

Какое своеволие! (*Въ сторону*).

Отъ души

Я радъ тому. (*Громко*).

Смирить тебя съумѣю;
Покорности я выучу тебя;
За иноземца выйти собралась ты,
Не получивъ согласья моего! (*Въ сторону*).
А этотъ незнакомецъ, я увѣренъ,
Мнѣ по рождению равень. (*Громко*).

Вамъ обоимъ

Даю совѣтъ не слишкомъ зазнаваться:
Коль подчиниться мнѣ вы не хотите,

35

Я сдѣлаю васъ мужемъ и женой.
Приблизьтесь. Вы союзъ должны скрѣпить
Пожатьемъ рукъ и нѣжнымъ поцѣлуемъ.
Соединяя васъ, надежды ваши
Разрушилъ я и, къ довершенью бѣдъ,
Васъ обвѣнчать даю теперь обѣтъ,
Желая счастья. Что жъ, довольны вы?

ТАИСА (*Периклу*).

Я счастлива, коль любишь ты меня.

ПЕРИКЛЪ.

Люблю, какъ жизнь, какъ кровь, что въ жилахъ льется.

СИМОНИДЪ.

Согласны вы вѣнчаться?

ОБА.

Государь,
Согласны, если такъ тебѣ угодно.

СИМОНИДЪ.

Скорѣ свадьбу надо намъ сыграть;
Затѣмъ, какъ только можно – и въ кровать.

<Внизу на странице расположена фотография фрагмента барельефа из пергамских раскопок, относящегося к III-II в. до н. в. «Вооружение эллинскаго востока».>

36

<Сверху на странице расположена фотография античной статуи «Нептунъ».>

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ГОВЕРЬ (*входитъ*).

Оконченъ пирь; все спитъ кругомъ;
Дворецъ объять глубокимъ сномъ;
Умолкли крики, всюду тишь;
Лишь сторожить глазами мышъ,
Близъ норъ запрятавшійся, котъ.
Сверчокъ въ печуркѣ пѣснь поетъ;
Сыграли свадьбу, часъ пришелъ, –
И дѣву юную возвелъ
На ложе брака Гименей;
Въ ту ночь съ невинностью своей
Разсталась дѣва – и она,
Зачавъ, быть матерью должна.
Все недосказанное мной
Дополнить надо вамъ мечтой.
Но, вотъ – нѣмое представленье.
Вамъ разъясню его значенье.

ПАНТОМИМА:

Входятъ съ одной стороны ПЕРИКЛЬ и СИМОНИДЪ со свитами. Къ нимъ идетъ на встрѣчу ГОНЕЦЪ, который склоняетъ колѣна предъ ПЕРИКЛОМЪ и вручаетъ ему письмо. ПЕРИКЛЬ показываетъ письмо СИМОНИДУ. Вельможи становятся на колѣни предъ ПЕРИКЛОМЪ. Входитъ беременная ТАИСА съ

Лихоридой. Симонидъ *даетъ дочери письмо; она радуется. Она и Перикль прощаются съ царемъ и уходятъ съ Лихоридой и свитой. Послѣ этого уходятъ Симонидъ и остальные.*

Повсюду посланы гонцы;
Они летятъ во всѣ концы;
Перикла ищутъ здѣсь и тамъ,
По отдаленнѣйшимъ странамъ,
И каждый уголокъ земли
Хотятъ извѣдать. Корабли
По всѣмъ морямъ за нимъ летятъ;
Ни силъ, ни денегъ не щадятъ.
И вотъ, какъ ужъ узнали вы,
Его по голосу молвы
Нашли, – и посланный гонецъ
Ему приносить во дворецъ
Письмо изъ Тира. Такъ гласить

37

Посланье: "Антиохъ убить
Огнемъ небесъ за тяжкій грѣхъ;
А въ Тирѣ, по желанью всѣхъ,
Возвестъ хотѣли въ царскій санъ
Правителя; но Геликанъ,
Желая бунтъ предотвратить,
Сказалъ, что согласится быть
Царемъ, но только черезъ годъ:
Перикла долженъ ждать народъ".
Какъ эти вѣсти разнеслись,
Возликовалъ Пентаполисъ;
Въ восторгъ всѣ; всѣмъ лестно знать,
Что вѣнценосецъ – царскій зять.
Рѣшили тотчасъ ѣхать въ Тиръ,
Чтобъ водворить въ немъ снова миръ.
Царица лишь беретъ съ собой
Свою кормилицу. Рѣкой
Струятся слезы изъ очей
Таисы. Съ родиной своей
Разстаться бѣдная должна;
Пускай беременна она,
Но мужа ей оставить жаль –
И вотъ корабль несетъ ихъ въ даль.

Корабль плыветъ, судьбой хранимъ.
Нептунъ сначала ласковъ къ нимъ;
До половины пройденъ путь.
Вдругъ вѣтеръ сталъ ревѣть и дуть, –
И вѣтеръ, мрачный и сѣдой,
Такою страшною грозой
Дохнулъ на море, гнѣва полнъ,
Что сталъ корабль, средь лютыхъ волнъ,
Нырять, какъ утка. Всѣ дрожать;
Со всѣхъ сторонъ и смерть и адъ;
Царица такъ потрясена,
Что стала мучиться она
Родами. Здѣсь покину васъ,
И представленья мой рассказъ
Замѣнить вамъ. Внимайте снова;
Передаю актерамъ слово.

СЦЕНА I.

Входитъ ПЕРИКЛЪ на палубу корабля.

ПЕРИКЛЪ.

О, богъ морскихъ пучинъ, къ тебѣ взываю!
Бушующія волны укроти,
Что поглотить готовы адъ и небо.
А ты, что власть имѣешь надъ вѣтрами,
Изъ глубины вызвавъ ихъ, закуй ихъ въ цѣпи.
Довольно длилась буря. Пусть умолкнутъ
Раскаты оглушающаго грома –
И молніи сѣрнистыя угаснутъ!
О, Лихорида, какъ царица можетъ?
Ты хочешь, буря, въ яростныхъ порывахъ
Всю выхлестать себя. Сигналь матроса
Не слышенъ, словно шепотъ въ ухо смерти.
Владычица пресвѣтлая, Луцина,
Что внемлешь ночью воплямъ и мольбамъ,
Спасти корабль, что утонуть готовъ,
И облегчи моей царицы муки!

Входитъ ЛИХОРИДА съ ребенкомъ.

ПЕРИКЛЪ.

Что, Лихорида?

ЛИХОРИДА.

Вотъ тебѣ ребенокъ,
Что слишкомъ юнъ, чтобъ понимать опасность,
Которой намъ не суждено избѣгнуть.
Ребенокъ этотъ – даръ, послѣдній даръ
Скончавшейся царицы.

ПЕРИКЛЪ.

Что я слышу!

ЛИХОРИДА.

Тяжелую утрату, государь,
Перенеси съ терпѣньемъ. Грозной бурѣ
Не помогай проклятьями. Царица,
Оставивъ дочь-малютку, умерла.
Мужайся для нея и постарайся
Сдержатъ свое отчаянье.

ПЕРИКЛЪ.

О, боги,
Зачѣмъ вы заставляете любить
Свои дары роскошные, когда
Такъ скоро ихъ уносите обратно?
Что мы даримъ, то не беремъ назадъ;
И въ этомъ человѣкѣ достойнѣй васъ.

ЛИХОРИДА.

Для дочери снеси съ терпѣньемъ горе.

ПЕРИКЛЪ.

Пусть жизнь твоя промчится безмятежно
За то, что ты такъ бурно родилась!
Пусть будетъ нравъ твой кротокъ, потому
Что никогда на свѣтъ не появлялась
Съ такимъ привѣтомъ грубымъ дочь царя!
Пусть счастье осѣнитъ твою главу.
Огонь и воздухъ, небо и земля,
Разгнѣванные волны, – всѣ стихіи
Слились, чтобъ возвѣстить съ зловѣщимъ ревомъ
О томъ, что родилась ты; не успѣла
Ты глазъ открыть, какъ понесла утрату,
Что замѣнить ничто не въ состояннѣи.

Надъ бѣдною малюткой сжальтесь, боги,
И съ милостью взгляните на нее!

38

Входятъ два матроса.

1-й матросъ.

Мужайся, царь! Господь храни тебя!

Перикль.

Отваженъ я и бури не боюсь;
Лишивъ меня всего, что я любилъ,
Она мнѣ зла не можетъ больше сдѣлать.
Лишь изъ любви къ несчастному младенцу,
Что обреченъ на плаванье съ рожденья,
Желаю я, чтобъ стихла злая буря.

1-й матросъ. Одною только боюсь, что порвутся канаты; а то пусть себѣ злится и мечется буря.

2-й матросъ. Только бы выбраться въ открытое море, а тамъ мнѣ все равно: взбаламученныя и покрытыя пѣной волны, цѣлуйте, если хотите, хоть съ мѣсяцемъ!

1-й матросъ. Государь, надо выбросить трупъ царицы за бортъ: море такъ гнѣвно, вѣтеръ такъ злится, что они не угомонятся, пока на корабль останется усопшая.

Перикль. Это одинъ предрасудокъ.

1-й матросъ. Не сердись, государь, но мы всегда этого держимся и свято чтимъ этотъ обычай. Ты долженъ намъ уступить. Непремѣнно надо выбросить ея тѣло въ море.

Перикль. Пусть будетъ по-вашему; о, злосчастная царица!

Лихорида. Тамъ, государь, тѣло ея.

Перикль.

Подруга дорогая, для родовъ
Ужасное тебѣ досталось ложе:
Ни свѣта, ни огня. Тебя забыли
Враждебныя стихіи. Не могу я
Тебя съ обрядами предать землѣ родной:
Въ пучину водъ твой трупъ я долженъ бросить,
Едва твой гробъ заколотить успѣютъ;
Я не могу воздвигнуть мавзолея
Надъ милою и освѣтить его огнемъ

Неугасаемыхъ лампадъ;
Ты ляжешь между раковинъ простыхъ, –
И только волны съ ропотомъ и плескомъ
Да бьющiе фонтанами киты
Твое придавятъ тѣло! Лихорида,
Скажи, чтобъ Несторъ мнѣ сюда принесъ
Чернильницу, бумаги, ароматовъ
И ящикъ съ драгоценностями; также
Пусть принесетъ Никандръ ларецъ роскошный.
Ребенка положите на подушку.
Я, между тѣмъ, прочту надъ ней молитвы
И съ ней прощусь на вѣки. Торопись.

(Лихорида уходитъ).

2-й матросъ. Государь, у насъ подъ палубой находится совершенно готовый ящикъ: онъ осмоленъ и законопаченъ.

Периклъ. Благодарю. Скажи мнѣ, морякъ, какой это берегъ?

2-й матросъ. Мы невдалекѣ отъ Тарса.

Периклъ.

Такъ, вмѣсто Тира, въ Тарсъ направимъ путь;
Какъ скоро до него добраться можно?

2-й матросъ. Къ разсвѣту, если только буря стихнетъ.

Периклъ.

Поѣдемъ въ Тарсъ. Клеона я увижу;
Съ младенцемъ мнѣ до Тира не доѣхать.
Его оставлю въ Тарсѣ: тамъ его
И вырастятъ, и вскормятъ превосходно.
Ступай же. Тѣло вынесу сейчасъ.

СЦЕНА II.

Эфесь. Комната въ домѣ Церимона.

Входятъ Церимонъ, слуга и нѣсколько челоувѣкъ, что потерпѣли кораблекрушенiе.

Церимонъ.

Эй, Филемонъ, сюда!

ФИЛЕМОНЪ (входя).

Меня позвалъ ты?

ЦЕРИМОНЪ.

Немедленно ты разведи огонь
И накорми усталыхъ бѣдняковъ.
Всю эту ночь свирѣпствовала буря.

СЛУГА.

Я много бурь видалъ, но никогда
Такой не приходилось еще видѣть.

ЦЕРИМОНЪ.

Твой господинъ свой вѣкъ окончитъ раньше,
Чемъ ты назадъ прійдешь. Я не могу
Ему помочь ничѣмъ. (Филемону).

Сходи въ аптеку
И мой рецептъ отдай; потомъ мнѣ скажешь,
Какъ дѣйствуетъ лѣкарство на больного.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Церимона. Входятъ два господина).

1-й ГОСПОДИНЪ.

Мое почтенье.

2-й ГОСПОДИНЪ.

Здравствуй, Церимонъ!

ЦЕРИМОНЪ.

Чуть брезжитъ свѣтъ, а вы ужъ поднялись!

39

1-й ГОСПОДИНЪ.

На самомъ берегу жилища наши;
Дома во время бури колыхались,
Какъ при землетрясеньи. Все дрожало;
Казалось намъ, они готовы рухнуть.
Лишь страхъ одинъ меня изъ дома выгналъ.

2-й ГОСПОДИНЪ.

Другой причины нѣтъ, что мы такъ рано

Тебя побезпокоили.

ЦЕРИМОНЪ.

Нисколько!

1-й господинъ.

Я удивлень, что ты одѣтъ съ зари
И ужъ стряхнулъ съ себя отдохновенья
Оковы золотыя. Странно мнѣ,
Что безъ причинъ себя тревожишь ты.

ЦЕРИМОНЪ.

Всегда считалъ я знаніе и доблесть
Дарами, что гораздо драгоцѣннѣй,
Чѣмъ знатное рожденье и богатство.
Растратить деньги, имя опозорить –
Распутному наслѣднику легко,
Тогда какъ добродѣтели и знанье
Къ безсмертію ведутъ и человѣка
Уподобляютъ Богу. Вамъ извѣстно,
Что жизнь я медицинѣ посвятилъ;
Я изучалъ по опыту и книгамъ
Науки этой тайны; я узналъ
Цѣлебныя особенности травъ,
Металловъ и камней и, изучивъ
Болѣзни, удручающія смертныхъ,
Врачую ихъ; я въ этомъ нахожу
Гораздо больше истиннаго счастья,
Чѣмъ въ суетныхъ отличьяхъ и въ погонѣ
За золотомъ, что смерть придетъ отнять.

2-й господинъ.

Ты по всему Эфесу расточалъ
Твои благодѣянія, и сотни
Тобою излѣченныхъ называютъ
Тебя своимъ спасителемъ. На помощь
Приходишь ты не только міромъ знаній
И личными трудами, но для бѣдныхъ
Всегда готовъ свой кошелекъ открыть.
Ты увѣнчалъ себя такою славой,
Что обезсмертилъ имя Церимона.

(Входятъ 2 или 3 служителя съ ящикомъ).

1-й СЛУЖИТЕЛЬ.

Поставь его сюда.

ЦЕРИМОНЬ.

Что это?

1-й СЛУЖИТЕЛЬ.

Ящикъ,

Что выбросило море; надо думать,
Что съ корабля разбитаго онъ брошень.

ЦЕРИМОНЬ.

Разсмотримъ ящикъ.

2-й ГОСПОДИНЬ.

Онъ похожъ на гробъ.

ЦЕРИМОНЬ.

Что бъ ни былъ онъ, а все тяжель ужасно.
Немедленно мы вскрыть его должны.
Коль чрево моря золотомъ полно,
Недурно, что оно его извергло
На берегъ нашъ.

2-й ГОСПОДИНЬ.

Конечно.

ЦЕРИМОНЬ.

Этотъ ящикъ

Законопачень и облить смолой.
Ты говоришь, что выброшень онъ моремъ?

1-й СЛУЖИТЕЛЬ.

Онъ принесень огромною волной;
Я никогда такой еще не видѣль.

ЦЕРИМОНЬ.

Съ него снимите крышку осторожно...
Какъ сладостно благоухаетъ онъ!

2-й ГОСПОДИНЬ.

Прекрасный запахъ!

ЦЕРИМОНЬ.

Волны аромата

По воздуху несутся. Сбросьте крышку!...
О, боги! трупъ я вижу.

1-й господинъ.

Просто чудо.

ЦЕРИМОНЪ.

Завернуть онъ парчею драгоценной;
Бальзамами онъ облить и обложить
Мѣшками благовоній. Тутъ же свитокъ.
О, Аполлонъ, дай руку разобрать!

(Читаетъ свитокъ).

*"Коль этотъ гробъ невѣдомой судьбою
На берегъ моря выброситъ волна,
Узнайте: въ немъ, утраченная мною,
Царемъ Перикломъ, милая жена.
Земль святой ея предайте тѣло;
Примите въ даръ, лежащій съ нею, кладъ, –
И пусть за это праведное дѣло
Сторицею васъ боги наградятъ".*
Коль живъ Периклъ, его разбито сердце.
А это нынче ночью приключилось.

2-й господинъ.

Весьма возможно.

40

ЦЕРИМОНЪ.

Да, сегодня ночью:

Взгляни, какъ ликъ ея красивъ и свѣжъ.
Ее поторопились бросить въ море.
Раздуй огонь и принеси сюда
Изъ кабинета ящики съ лѣкарствомъ.

(Слуга уходитъ).

Порою смерть на многіе часы
Природу подавляетъ, но случилось,
Что жизни духъ одерживалъ побѣду
И рвалъ оковы смерти. Слышалъ я
Разсказъ объ египтянкѣ, что лежала,

Какъ бы объята смертию, въ продолженъе
Восьми часовъ. Она затѣмъ воскресла.
Благодаря хорошему уходу.

(Входитъ слуга съ ящичками, полотенцемъ и огнемъ).

ЦЕРИМОНЬ.

Ну, вотъ бѣлье, а также и огонь;
У насъ здѣсь нѣтъ хорошихъ музыкантовъ,
Но пусть они играютъ. Дай мнѣ склянку,
Скорѣй, скорѣй! Пусть музыка играетъ;
Какъ можно больше воздуха ей надо!
Царица оживетъ – я въ томъ увѣренъ;
Она ужъ пробуждается: я слышу
Ея дыханье теплое. Не больше
Пяти часовъ она лежитъ безъ чувствъ, –
И жизни цвѣтъ къ ней снова возвратился.

1-й господинъ.

Черезъ тебя свершилось это чудо –
И ты на вѣкъ свое прославилъ имя.

ЦЕРИМОНЬ.

Она жива; опущенныя вѣжды,
Хранилища утраченныхъ Перикломъ
Сокровищъ, начинаютъ раздвигать
Бахромки золотыя – и алмазы,
Воды чистѣйшей, скоро засверкаютъ,
Чтобъ міръ обогатить своей красою.
Живи, цвѣтокъ роскошный, и рассказомъ
Объ участи своей чудесной!
Заставь насъ плакать.

(Она дѣлаетъ движеніе).

ТАИСА.

Діана, гдѣ же я? Кто эти люди?
Гдѣ мой супругъ?

1-й господинъ.

Я изумленъ.

2-й господинъ.

Я тоже.

ЦЕРИМОНЬ.

Прошу молчать, любезные сосѣди;
Перенести ее мнѣ помогите
Въ покой сосѣдній; дайте мнѣ бѣлья.
Съ ней обходиться надо осторожно,
А иначе ее погибель ждетъ;
О, Эскулапъ, приди ко мнѣ на помощь!

(Уходятъ, унося Таису).

СЦЕНА III.

Тарсъ. Комната въ домѣ правителя.

Входитъ ПЕРИКЛЪ, КЛЕОНЪ, ДІОНИССА и ЛИХОРИДА *съ* МОРИНОЙ *на*
рукахъ.

ПЕРИКЛЪ.

Клеонъ, я долженъ ѣхать: годъ прошелъ,
И въ Тирѣ ненадежно. На прощанье
Сердечную признательность мою
Я выразить вамъ долженъ. У боговъ
Прошу для васъ всѣхъ лучшихъ въ мѣръ благъ!

КЛЕОНЪ.

Тебя смертельно ранившія стрѣлы
Безжалостной судьбы – и насъ сразили.

ДІОНИССА.

Я въ горѣ, что по волѣ злого рока
Прелестную царицу ты не могъ
Сюда привести, чтобъ мой утѣшить взоръ.

ПЕРИКЛЪ.

Невольно покориться надо небу.
Когда я могъ ревѣть и волноваться,
Какъ море, гдѣ покоится она,
Все тщетными остались бы усилія
Перемѣнить рѣшенія судьбы.
Я поручаю вашей добротѣ
Мою малютку милую, Морину.
Такое имя мною ей дано,
Такъ какъ она на морѣ родилась.

Ее заботамъ вашимъ довѣряя,
Прошу ее по-царски воспитать,
Какъ требуетъ того ея рожденье.

КЛЕОНЪ.

Объ этомъ, государь, не безпокойся!
Мою страну ты спасъ своимъ зерномъ,
За что народъ тебя доселѣ славить;
Мы доказать съумѣемъ благодарность
И дочери твоей. Когда бъ я могъ
Къ ней отнестись съ позорнымъ равнодушьемъ,
Народъ, тобой спасенный, заклеилъ бы
Мою неблагодарность. Если только
Нуждаюсь я въ подобномъ побужденьи,
Да разразятъ меня за это боги,
Моихъ дѣтей и все мое потомство!

41

*<Сверху на странице расположен рисунок Джильберта (Gilbert)
«Церимонъ читаетъ грамоту Перикла».>*

ПЕРИКЛЪ.

Тебѣ я вѣрю. Честь твоя и доблесть
Безъ клятвъ – порукой въ томъ. Клянусь Діаной,
Которую мы чествуемъ и славимъ,
Что ножницы моихъ волосъ не тронуть,
Пока не выйдетъ замужъ дочь моя,
Хотя бъ и зло могли увидѣть въ этомъ.
Затѣмъ прощаюсь съ вами. Діонисса,
Надѣюсь, что меня ты осчастливишь,
Заботливо малютку возвращая.

ДІОНИССА.

И у меня есть дочь, ее любить
Не буду больше я, чѣмъ дочь твою.

ПЕРИКЛЪ.

Въ моихъ мольбахъ тебя я не забуду.

КЛЕОНЪ.

До берега тебя проводимъ мы
И тамъ твою судьбу Нептуну ввѣримъ,
Прося его защиты и покрова.

42

ПЕРИКЛЪ.

Я принимаю ваше предложенье;
Пора идти. Не плачь, о, Лихорида;
Съ любовью ты малютку охраняй;
Твоихъ услугъ она не позабудетъ,
Когда большая станетъ. Время ѣхать!

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Эфесь: комната въ домѣ Церимона.

Входятъ ЦЕРИМОНЪ и ТАИСА.

ЦЕРИМОНЪ.

Съ тобой въ гробу сокровища лежали:
Они твои; письмо нашель я также.
Не знаешь ли, кѣмъ писано оно?

ТАИСА.

Моимъ супругомъ. Помню хорошо,
Что на корабль беременной я сѣла;
Но не могу навѣрное сказать,
Клянусь богами, тамъ ли разрѣшилась.
Увы! Перикла вновь я не увижу,
Любимаго супруга моего.
И потому одѣнусь я весталкой
И откажусь отъ радостей земныхъ.

ЦЕРИМОНЪ.

Царица, если такъ рѣшила ты,
Недалеко отсюда храмъ Діаны,

Гдѣ можешь поселиться навсегда.
Коль хочешь, я племянницу свою
Тебѣ пришлю, чтобѣ за тобой ходила.

ТАИСА.

Могу лишь благодарностью платить
За щедрыя твои благодѣянья:
Утративъ все, дарю одни желанья.

(Уходятъ).

<Внизу на странице расположена концовка Джильберта (Gilbert).>

43

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Входитъ ГОВЕРЬ.

Периклъ безъ бѣды пріѣхалъ въ Тирь;
Тамъ онъ нашелъ любовь и мирь;
Убѣжищемъ Діаны храмъ
Его жена избрала. Тамъ
Она, убитая тоской,
Живетъ. Къ Моринѣ молодой
Вернемся въ Тарсъ. Красы полна,
Собой плѣняетъ всѣхъ она;
Ее встрѣчаетъ хоръ похвалъ;
Ее на славу воспиталъ
Клеонъ; но зависть бдитъ въ тѣни,
Ея пресѣчь желая дни.
У Діониссы дочь растеть;
Она во всемъ примѣръ беретъ
Съ Морины; ловкостью своей
Она сравниться хочетъ съ ней;
Но это тщетная мечта:
Ей Филотена не чета.
Во всемъ Морина верхъ беретъ.
Коль шелкъ она порой плететь
Рукою, что бѣла какъ снѣгъ, –
Ея работа лучше всѣхъ;
Иглою ли ранить полотно,

Плотнѣй становится оно;
Поеть ли съ лютнею своей,
Въ лѣсу смолкаетъ соловей;
Діанѣ пишетъ ли привѣтъ –
И въ этомъ ей соперницъ нѣтъ;
Голубка Пафоса бѣла;
Ужель сравниться бѣ съ ней могла
Ворона? Такъ Клеона дочь
Съ Мариной точно день и ночь.
Хвалы, какъ долгъ, а не какъ даръ,
Моринѣ шлются. Злой ударъ
Готовитъ Діонисса ей,
Чтобы она красой своей –
Не затемняла дочь. И вотъ
Ее убійца стережетъ.
Въ живыхъ ужъ Лихориды нѣтъ –
И легче скрыть убійства слѣдъ.
Года летятъ; въ хромыхъ стихахъ
Я рассказалъ вамъ о дѣлахъ
Минувшихъ лѣтъ. Когда бѣ со мной
Вы не пошли одной тропой,
Затмиться могъ бы мой рассказъ,
Пора мнѣ вновь покинуть васъ;
Вотъ Діонисса; рядомъ съ ней
Стоитъ подкупленный злодѣй.
Оставляю васъ: чрезъ представленье
Узнать должны вы продолженье. (*Уходитъ*).

СЦЕНА I.

Тарсъ. Берегъ моря.

Входятъ Діонисса и Леонинъ.

Діонисса.

Давъ клятву, ты ее исполнить долженъ;
Никто не будетъ вѣдать объ убійствѣ;
Свершивъ его, обогатишься разомъ;
Отбрось совѣты совѣсти холодной,
Которая разнѣжить можетъ сердце,
Въ него любовь вливая. Состраданью

Вели молчать; оно, какъ это видишь,
Отвергнуто и женщиной. Будь твердъ
И доверши задуманное дѣло.

ЛЕОНИНЪ.

Я буду твердъ, но все жъ она прекрасна.

ДИОНИССА.

Тѣмъ болѣе она боговъ достойна.
Она сюда свой направляетъ путь,
Оплакивая смерть любимой няни.
Рѣшился ль на убійство?

ЛЕОНИНЪ.

Да, рѣшился.

Входитъ МОРИНА съ корзиною цвѣтотвъ.

МОРИНА.

Я Теллу обездолю, чтобъ цвѣтами
Покрыть твою могилу. Какъ ковромъ,
Все лѣто застилать ее я буду
Цвѣтами желтыми и голубыми,
Фіалками и ноготками. О, горе мнѣ,
Несчастной дѣвѣ! Въ бурю родилась я,
Въ тотъ часъ, когда моя скончалась мать, —
И съ дня рожденья только бури вижу,
Что отъ меня друзей моихъ уносятъ.

ДИОНИССА.

Что жъ ты одна, Морина? Какъ случилось,
Что нѣтъ съ тобою дочери моей?
Не изнуряй себя напраснымъ горемъ;
Я няню замѣню тебѣ вполнѣ.
О, боги, какъ лицо твое поблекло
Отъ скорби бесполезной! Дай цвѣты;
Отъ волнъ морскихъ они увянутъ скоро:
Здѣсь воздухъ свѣжъ. Ты можешь съ Леониномъ
По берегу пройтись. Тебя прогулка
Навѣрно освѣжитъ. *(Леонину).*
Дай руку ей
И съ нею погуляй.

МОРИНА .

Я не хочу
Лишить тебя служителя.

ДИОНИССА .

Ты знаешь, что тебя и твоего отца
Люблю я, какъ родныхъ. Онъ скоро будетъ
И, коль свое сокровище найдетъ
Увядшимъ и больнымъ, жалѣть онъ станетъ,
Что долго такъ отсутствовалъ. На насъ
Вознегодуетъ онъ за то, что мы
Не сберегли тебя. Пройдись немного
И прежнюю веселость не теряй;
Старайся сохранить свою красу,
Что стариковъ и юношей плѣняетъ.
Прошу, не безпокойся обо мнѣ:
Я и одна могу домой вернуться.

МОРИНА .

Изволь, я погуляю, если хочешь;
Но этого совсѣмъ я не желаю.

ДИОНИССА .

Тебѣ прогулка пользу принесетъ. (*Леонину*).
Не меньше получаса съ ней гуляй
И не забудь, что я тебѣ сказала.

ЛЕОНИНЪ .

Не безпокойся, я приказъ исполню.

ДИОНИССА .

Тебя я оставляю не надолго;
Не утомляй себя ходьбою быстрой:
Вѣдь, о тебѣ заботиться должна я.

МОРИНА .

Благодарю. (*Дионисса уходитъ*).
Не западный ли вѣтеръ
Здѣсь дуетъ?

ЛЕОНИНЪ .

Юго-западный.

МОРИНА .

Когда

Я родилась, онъ съ сѣвера стремился.

ЛЕОНИНЪ .

Какъ это знать ты можешь?

МОРИНА .

По рассказамъ

Моей старухи-няни. Мой отецъ,
Отваги полнъ, одушевлялъ матросовъ
Своимъ примѣромъ. Царственныя руки
Онъ не жалѣлъ, канаты напрягая.
Держась за мачту, съ моремъ онъ боролся,
Что палубу почти совсѣмъ разбило.

ЛЕОНИНЪ .

Когда жъ случилось то?

МОРИНА .

Какъ родилась я;

Ужасная свирѣпствовала буря.
Матроса, что справлялся съ парусами,
Снесло волною въ море. Всѣ смутились
И бросились къ кормѣ, покинувъ снасти.
Одинъ свисталъ; другой кричалъ безъ цѣли –
И всѣ пришли въ смятенье.

ЛЕОНИНЪ .

Брось рассказъ;

Читай свои молитвы.

МОРИНА .

Что жъ ты хочешь?

ЛЕОНИНЪ .

Я помолиться время дамъ тебѣ,
Но торопись. Тебя услышать боги;
Я жъ поклялся съ тобой мгновенно кончить!...

МОРИНА .

Зачѣмъ меня ты хочешь умертвить?

ЛЕОНИНЪ .

Я госпожи своей исполню волю.

Морина.

Скажи, зачѣмъ нужна ей смерть моя?
Клянусь, я никогда не оскорбляла
Ея ничѣмъ, ей угождать стараясь.
Ни одному живому существу
Я въ жизни зла не дѣлала. Повѣрь –
Ни мыши я, ни мухи не убила,
И если разъ я раздавила червя,
То плакала о томъ. Какой обидой
Могла я заслужить ея вражду?
Чѣмъ смерть моя ей можетъ быть полезна
И жизнь моя опасна?

Леонинъ.

Разсужденій

Не требуютъ моихъ; лишь приказанье
Исполнить долженъ я.

Морина.

О, невозможно,
Чтобъ ты его исполнилъ. По глазамъ
Я вижу, что ты добрый человѣкъ;
Недавно, объ опасности забывъ
И ранамъ подвергаясь, рознялъ ты
Двухъ дравшихся. То было благородно.
Ты и теперь не иначе поступишь.
Коль Діонисса мнѣ сулитъ погибель,

45

<Сверху на странице расположены фотографии античных статуэток из Танагры «Одежды гречанокъ».>

Стань между ней и мной и пощади
Слабѣйшую изъ двухъ.

Леонинъ.

Я клятву далъ
И въ жертву принести тебя я долженъ.

(Бросается на нее).

Входят ПИРАТЫ.

1-й ПИРАТЪ. Остановись, негодяй!

(Леонинъ убѣгаетъ).

2-й ПИРАТЪ. Добыча! добыча!

3-й ПИРАТЪ. Раздѣлимъ ее пополамъ, друзья, пополамъ. Тащи ее немедленно на судно.

(Пираты уходятъ съ Мориной).

СЦЕНА II.

ЛЕОНИНЪ (входитъ).

ЛЕОНИНЪ.

Разбойники похитили Морину;
Они изъ шайки грознаго Вальдеса.
Желаю ей счастливаго пути.
Она ужъ не вернется. Поклянусь,
Что я ее убилъ и въ море бросилъ;
Но подождать я долженъ: можетъ быть,
Они хотятъ потѣшиться лишь ею
И не возьмутъ съ собой. Когда вернется,
Похищенную мнѣ убить прійдется.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Митилены. Комната въ публичномъ домѣ.

Входятъ ПАНДЕРЪ, СВОДНЯ и БУЛЬТЪ.

ПАНДЕРЪ. Бультъ!

БУЛЬТЪ. Что прикажете, хозяинъ?

ПАНДЕРЪ. Поищи ты на рынкѣ товара. Митилены полны веселыхъ людей; мы и такъ уже много потеряли денегъ, очутившись во время ярмарки безъ женщинъ.

Сводня. Никогда еще не было у насъ такой бѣдности. Остались только три

46

жалкія твари, и онѣ выбиваются изъ силъ, отъ непрерывной работы онѣ совсѣмъ сгнили.

ПАНДЕРЪ. Необходимо поэтому достать новыхъ, сколько бы ни пришлось заплатить за нихъ. Во всякомъ дѣлѣ нужно быть добросовѣстнымъ, а то никогда не процвѣтешь.

Сводня. Ты правду сказалъ: вѣдь не возвращеніемъ же бѣдныхъ подкидышей – а я ихъ воспитала штукъ одиннадцать дѣвчонокъ.

Бульть. Да, лѣтъ до одиннадцати вы ихъ растили, чтобы потомъ ихъ губить. Чтоже, пойти поискать?

Сводня. Конечно. Вѣдь та дрянь, что у насъ есть, свалится отъ перваго сильнаго вѣтра, до того всѣ онѣ больны.

ПАНДЕРЪ. Да, правда, онѣ слишкомъ ненадежны, говоря по совѣсти. Бѣдная венгерка, родившая ребенка, вѣдь умерла.

Бульть. И ребенка спровадила до того, сдѣлала его жаркимъ для червей. Пойду-ка я за товаромъ. (*Уходитъ*).

ПАНДЕРЪ. Хорошо бы имѣть тысячи три – четыре цехиновъ, жить спокойно и бросить дѣло.

Сводня. Зачѣмъ же бросать, скажи на милость? Стыдно, что ли, получать доходы на старости лѣтъ?

ПАНДЕРЪ. Добрая слава не приходитъ вмѣстѣ съ доходами, да и доходовъ меньше чѣмъ неприятностей: хорошо бы скопить, пока мы молоды, состояньице и закрыть двери на запоръ. Къ тому же мы въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ богами изъ-за нашихъ занятій, и это достаточная причина, чтобы поскорѣе уйти отъ дѣла.

Сводня. Ну вотъ еще! Во всякомъ дѣлѣ люди грѣшатъ.

ПАНДЕРЪ. Конечно, но мы больше чѣмъ кто либо. Да наши занятія нельзя назвать дѣломъ, - это совсѣмъ не профессія. Но вотъ и Бульть вернулся.

Входятъ Бульть, пираты и Морица.

Бульть (*Моринъ*). Иди-ка сюда. Вы, господа, говорите, что она дѣвственница?

1-й ПИРАТЬ. Мы въ этомъ не сомнѣваемся.

Бульть. Хозяинъ, вотъ что я раздобылъ. Если она вамъ понравится, отлично; если нѣтъ, я потерялъ задатокъ, который далъ за нее.

ПАНДЕРЬ. Бульть, обладает ли она какими нибудь талантами?

Бульть. У нея красивое лицо, она хорошо говорит и отлично одѣта – какихъ тамъ еще талантовъ спрашивать?

Сводня. А сколько за нее требуютъ?

Бульть. Меньше чѣмъ за тысячу никакъ не уступать.

ПАНДЕРЬ. Ну, хорошо, господа, пойдѣте со мной, я сейчасъ же вамъ уплачу деньги. Жена, возьми ее къ себѣ, объясни ей ея обязанности, научи ее быть обходительной съ гостями.

(Пандеръ и пираты уходятъ).

Сводня. Бульть, запомни ея примѣты, цвѣтъ волосъ, ростъ, цвѣтъ лица, возрастъ, напиши ручательство въ дѣвственности и объяви аукціонъ; кричи "кто больше всѣхъ дастъ, тому она достанется первому". За такую дѣвственность прежде дорого платили, когда мужчины были не чета теперешнимъ. Исполни все въ точности.

Бульть. Все будетъ сдѣлано согласно вашему приказанію. *(Уходитъ).*

Морина. Горе мнѣ! Почему Леонинъ такъ медлилъ, почему не сразу убилъ меня, а разговаривалъ? Или почему пираты не были достаточно жестокими и не бросили меня за бортъ искать мою мать на днѣ морскомъ?

Сводня. О чемъ печалишься, красотка?

Морина. О томъ, что я красива.

Сводня. Напрасно, боги надѣлили тебя многими дарами.

Морина. Я ихъ и не обвиняю.

Сводня. Ты попала въ мои руки, и твоя жизнь спасена.

Морина. Въ томъ то и горе мое, что я избѣгла смерти.

Сводня. Ты будешь жить въ довольствѣ и радости.

Морина. Нѣтъ.

Сводня. Говорю тебѣ, что тебѣ будетъ хорошо, ты отвѣдаешь самыхъ разныхъ господъ. Заживешь отлично – разнообразія будетъ сколько угодно. Почему ты затыкаешь уши?

Морина. Вы женщина?

Сводня. А чѣмъ бы ты хотѣла, чтобы я была?

Морина. Или честной женщиной, или совсѣмъ не женщиной.

Сводня. Да, ну тебя, дурочка! Придется, кажется, еще повозиться съ тобой. Образумься, ты еще совсѣмъ молодая лоза и будешь гнуться, какъ я захочу.

Морина. Да защитятъ меня боги!

Сводня. Если боги защитятъ тебя при посредствѣ людей, то нужно, чтобы нашелся человѣкъ, или нѣсколько человѣкъ, которые бы утѣшали тебя, кормили тебя,

растормошили тебя. А вот и Бульть вернулся.

(Входит Бульть.)

Сводня. Ну что, объявил ты на площади о ней?

Бульть. Я обо всем раструбилъ, чуть ли не каждый ея волосокъ перечислилъ, нарисовалъ полный ея портретъ словами.

Сводня. Ну и чтожь, какъ къ этому отнеслась публика, въ особенности молодежь?

Бульть. Они слушали съ такимъ вниманіемъ, точно имъ читали завѣщаніе ихъ отца. У одного испанца прямо таки слюнки потекли, и онъ пошелъ лечь въ постель отъ одного только описанія.

Сводня. Онъ навѣрное явится завтра къ намъ разряженный.

Бульть. Еще сегодня вечеромъ онъ будетъ здѣсь. А вѣдь вы знаете, хозяйка, француза, который трясется когда ходить?

Сводня. О комъ ты говоришь, о monsieur Veroles?

Бульть. Ну да. Онъ хотѣлъ подскочить отъ радости, слушая мое описаніе, – но только застоналъ отъ боли и поклялся, что придетъ посмотрѣть ее завтра.

Сводня. Отлично. Что касается его, то онъ принесетъ уже съ собой болѣзнь и здѣсь только возобновить ее. Я знаю, онъ прячется сначала въ тѣнь нашего дома, а потомъ показываетъ на солнцѣ свою лысину.

Бульть. Если бы сюда собрались прїѣзжіе со всѣхъ странъ, они охотно бы поселились въ гостиницѣ подъ такой вывѣской, какъ эта дѣвушка.

Сводня. (Моринтъ). Подойди ко мнѣ, пожалуйста. Тебя ожидаетъ счастье. Но помни: ты должна дѣлать видъ, что не согласна на то, что въ дѣйствительности готова сдѣлать, должна казаться безкорыстной, чтобы тѣмъ вѣрнѣе нажитья. Плачась на свою жизнь здѣсь, ты возбудишь жалость въ любовникахъ, а жалость порождаетъ доброе отношеніе, что составляетъ прямую выгоду.

Морина. Я васъ не понимаю.

Бульть. Объясните ей все хорошенько, хозяйка. Эту краску стыда нужно согнать съ ея лица привычкой къ дѣлу.

Сводня. Ты правъ, такъ оно и будетъ. Вѣдь даже новобрачныя стыдятся сначала того, на что имѣютъ законное право.

Бульть. Иныя стыдятся, иныя нѣтъ. Но послушайте, хозяйка, я ходилъ на рынокъ за жаркимъ...

Сводня. Можешь отрѣзать себѣ кусокъ съ вертела.

Бульть. Могу?

Сводня. Какъ тебѣ въ этомъ отказать? Идемъ, дѣвочка. Мнѣ нравится твоя одежда!

Бульть. Нечего еще мѣнять ее.

Сводня. Бульть, разгласи по всему городу о нашемъ новомъ приобрѣтеніи. Тебѣ же будетъ лучше отъ наплыва посѣтителей. Когда природа создала эту дѣвушку, она старалась о твоей выгодѣ. Поэтому расхвали ее какъ можно больше и ты пожнешь плоды своихъ стараній.

Бульть. Ручаюсь вамъ, хозяйка, что громъ такъ не разбудитъ спящихъ угрей, какъ мои описанія ея красоты взволнуютъ распутниковъ. Я сегодня приведу нѣсколькихъ.

Сводня. Ступай. А ты иди за мной.

МОРИНА

Будь жгучь – огонь, сталь – острой, дно – глубокимъ,
Свой дѣвственный я поясъ сохраню.
И будь мнѣ въ томъ помощницей, Діана!

Сводня. Что у насъ общаго съ Діаной? Пожалуйста, иди за мной.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тарсь. Комната въ домѣ правителя.

Входятъ КЛЕОНЪ и ДІОНИССА.

ДІОНИССА. Что сдѣлано, то сдѣлано. Напрасно выходишь изъ себя.

КЛЕОНЪ.

О, Діонисса,
Ни солнце, ни луна еще досель
Такого злодѣянья не видали.

ДІОНИССА.

Ты, кажется, впадаешь снова въ дѣтство.

КЛЕОНЪ.

Владѣй я цѣлымъ міромъ, я бы отдалъ
Вселенную, чтобъ только уничтожить
Ужасное злодѣйство. О, Морина,
Ты чудной добродѣтелью своей
Рожденье превышала, хоть оно
Ни одному царю не уступало.
Жена, ты Леонина отравила;
Какъ жаль, что съ нимъ не выпила ты яда!

Достойную ты казнь бы понесла.
Что скажешь благородному Периклу,
Когда онъ дочь потребуеть свою?

48

ДИОНИССА .

Скажу ему, что умерла она.
Вѣдь паркы не приставлены, какъ няньки,
Чтобъ смертныхъ охранять. Скажу, что ночью
Она скончалась. Кто жъ опроверженье
Мнѣ можетъ дать, коль самъ не прокричишь,
Желая добродѣтельнымъ прослыть,
Что вѣкъ ея убійство прекратило?

КЛЕОНЪ .

Ты совершила страшное злодѣйство.
Его ужаснѣй нѣтъ.

ДИОНИССА .

Коль хочешь, думай,
Что птички Тарса выпорхнутъ отсюда,
Чтобъ обо всемъ Периклу рассказать.
Позоришь ты свое происхожденье
Подобнымъ малодушьемъ.

КЛЕОНЪ .

Гнусень тотъ,
Кто можетъ одобрять злодѣйство это,
Хотя бы въ немъ не принималъ участья.

ДИОНИССА .

По твоему пусть будетъ; но никто
Съ тѣхъ поръ, какъ Леонинъ окончилъ дни,
Не знаетъ и не можетъ даже знать,
Какъ умерла она. На дочь мою
Она съ пренебреженіемъ глядѣла
И между ней и счастьемъ становилась.
Никто на Филотену не смотрѣлъ;
Всѣ взоры на Морину обращались,
И наша дочь во мракъ обрѣталась,
Какъ истуканъ, не стоящій вниманья.

Меня томило это – и, хоть ты,
Не любящій ребенка своего,
Считаешь и чудовищнымъ, и гнуснымъ
Поступокъ мой, – его я совершила,
Лишь дочь свою единую любя.

КЛЕОНЪ.

О, да простятъ тебѣ убійство боги!

ДИОНИССА.

Периклу никогда о немъ не вѣдать.
Мы плакали, ее сопровождая
Къ послѣдному жилищу; мы донинѣ
По ней все носимъ трауръ; скоро будетъ
Готовъ ея надгробный монументъ;
Онъ говоритъ словами золотыми,
Блестящей эпитафіей о томъ,
Какъ много въ ней скрывалось рѣдкихъ качествъ;
А также о заботливости нашей,
Воздвигнувшей ей памятникъ богатый.

КЛЕОНЪ.

Ты съ Гарпіей сходна; она плѣняетъ
Лицомъ, достойнымъ ангела, въ то время,
Какъ сердце рветъ орлиными когтями.

ДИОНИССА.

А ты похожъ на тѣхъ, что слезно ропщутъ
На то, что мухъ во время стужи нѣтъ;
Я знаю – ты исполнишь мой совѣтъ.

(Уходятъ).

Входитъ ГОВЕРЪ.

(Памятникъ Морины въ Тарсѣ).

ГОВЕРЪ.

Мы украшаемъ времени теченье;
Моря переплываемъ мы порой
И часто, на крылахъ воображенья,
Изъ края одного летимъ въ другой.
Я васъ водилъ по разнымъ странамъ свѣта,
Но все одинъ языкъ употреблялъ;
Въ томъ нѣтъ бѣды, и вы простите это,
Чтобъ начатый разговоръ я продолжалъ.

Покинувъ Тиръ, Перикль пустился въ море,
Сановниками, свитой окружень;
Ничѣмъ не можетъ онъ утѣшить горе
И вотъ – увидѣть дочь желаетъ онъ.
Старикъ Эсканъ правителемъ остался;
Съ Перикломъ же поѣхалъ Геликанъ;
Корабль летитъ; попутный вѣтръ поднялся
И ихъ несетъ подъ небо дальнихъ странъ.
Предъ ними Тарсъ; оконченъ путь далекий;
Царь хочетъ взять съ собою дочь свою, –
Но ужъ ее сразилъ ударъ жестокий.
Я ихъ на мигъ, какъ тѣни, вамъ явлю.

ПАНТОМИМА:

Съ одной стороны входитъ Перикль со свитой; съ другой Клеонъ и Діонисса. Клеонъ показываетъ Периклу памятникъ Морины. Перикль выражаетъ глубокую скорбь, надѣваетъ траурное платье и утѣшается, сраженный горемъ.

ГОВЕРЬ.

Обманъ и ложь отъ честныхъ взоровъ скрыты;
Не уличить притворную печаль!
Перикль всему повѣрилъ и, убитый
Отчаяньемъ, свой путь направилъ въ даль.
Въ его душѣ не свѣтитъ лучъ надежды;
Онъ поклялся не стричь своихъ волосъ,
Не мыть лица и траурной одежды
Не покидать; его корабль понесъ
Въ обратный путь; вскипѣли вновь пучины;
Но спасся царь. Теперь прощу – со мной
Прочтите эпитафію Морины,

<На странице сверху расположена фотография, на которой изображены «Древне-греческія женскія украшенья» из собрания древностей Санкт-Петербургскаго Эрмитажа («Художественные Сокровища России»)>

Произведенъ Діониссы злой:
(Читаетъ надпись на памятникъ Морины).
"Морина здѣсь лежитъ, принцесса Тира;

Ее сгубила смерть во цвѣтѣ лѣтъ.
Сливались въ ней всѣ совершенства міра;
Подобной ей и не было и нѣтъ.
Ѳетида, возгордясь ея рожденьемъ,
Край свѣта поглотить дала волнамъ;
Чтобъ вновь не подвергаться наводненьямъ,
Земля ее вернула небесамъ;
На землю разсердясь, въ порывѣ горя,
Ѳетида поклялась за дочь отмстить;
Съ тѣхъ поръ она кремнистый берегъ моря
Старается волнами затопить".
Коварству часто лезть оплотомъ служить.
Периклъ несетя вдаль, судьбой гонимъ;
О дочери все плачетъ онъ и тужить;
На время мы должны разстаться съ нимъ.
Познавъ судьбы печальныя измѣны,
Въ неволѣ тяжелой дочь его живетъ.
Судьба ея ужасна. Въ Митилены,
Чтобъ съ ней побыть, направимъ свой полетъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Митилены. Улица передъ публичнымъ домомъ.

Изъ публичнаго дома выходятъ два господина.

1-ый господинъ. Слыхали ли вы что нибудь подобное?

2-ой господинъ. Нѣтъ, и никогда не услышу въ такомъ мѣстѣ, когда ея тамъ не будетъ.

1-ый господинъ. Говорить о религіи въ такомъ домѣ! Могло ли это присниться?

2-ой господинъ. Нѣтъ, нѣтъ. Надоѣли мнѣ притоны разврата. Ужъ не пойти ли лучше послушать пѣніе весталокъ?

1-ый господинъ. Я теперь способенъ на все добродѣтельное и навсегда потерялъ охоту къ распутству.

СЦЕНА VI.

Тамъ же. Комната въ публичномъ домѣ.

Входятъ ПАНДЕРЪ, Сводня и Бульть.

ПАНДЕРЪ. Я былъ бы радъ заплатить вдвое противъ того, что она стоила, лишь бы ее здѣсь никогда не было.

Сводня. Негодяйка! Она можетъ заледенить самого бога Пріапа и помѣшать появленію на свѣтъ цѣлаго поколѣнія! Нужно или лишить ее невинности, или избавиться отъ нея. вмѣсто того, чтобы угождать кліентамъ и исполнять свои обязанности, она принимается за свои выходки, за разсужденія, убѣжденія, молитвы, становится на колѣни; она самого чорта превратила бы въ пуританина, если бы онъ вздумалъ покупать у нея поцѣлуй.

Бульть. Я непременно лишу ее невинности, а то она отвадитъ отъ насъ всѣхъ гостей и превратитъ всѣхъ нечестивцевъ въ священниковъ.

ПАНДЕРЪ. Чума срази ее за ея отвращеніе ко мнѣ!

Сводня. Конечно, ничѣмъ инымъ не избавиться отъ нея, какъ наславъ на нее скверную болѣзнь. Вотъ идетъ Лизимахъ, переодѣтый.

Бульть. У насъ толпились бы и знатные, и простые люди, если бы эта упрямая тварь уступала желаніямъ гостей.

Входитъ ЛИЗИМАХЪ.

ЛИЗИМАХЪ. Ну что, почему дюжина невинностей?

Сводня. Благослови Господь вашу милость!

Бульть. Я радъ видѣть вашу милость въ добромъ здравіи.

ЛИЗИМАХЪ. Ты и долженъ радоваться. Для тебя выгодно, чтобы ваши посѣтители были здоровы. Скажи ка, нечестивецъ, найдется у тебя такая, съ которой можно было бы имѣть дѣло, не обращаясь послѣ того къ врачу?

Сводня. Есть у насъ одна, ваша милость, если бы только она согласилась – но въ Митиленахъ никогда еще не бывало подобнаго ей созданія.

ЛИЗИМАХЪ. Ты хочешь сказать, если бы она согласилась продѣлать то, что дѣлается въ темнотѣ?

Сводня. Ваша милость хорошо знаетъ, о чемъ я говорю.

ЛИЗИМАХЪ. Ну, позови ее, позови.

Бульть. Что касается ея лица, то это кровь съ молокомъ; вы увидите настоящую розу и она была бы дѣйствительно розой, если бы ее только...

ЛИЗИМАХЪ. Что именно?

Бульть. О, ваша милость, я умѣю быть скромнымъ.

Лизимахъ. Скромность дѣлаетъ честь и своднику, такъ же какъ репутація цѣломудрія красить всякаго человѣка.

Входитъ МОРИНА.

Сводня. Вотъ та, которая цвѣтетъ какъ роза на стеблѣ; она еще никѣмъ не сорвана, ручаюсь за это. Ну что, развѣ она не хороша собой?

Лизимахъ. Да, ея можно было бы удовольствоваться послѣ долгаго морского плаванія. Вотъ возьми *(даетъ деньги)* и оставь насъ наединѣ.

Сводня. Умоляю вашу милость, позвольте мнѣ сказать ей еще пару словъ.

Лизимахъ. Пожалуйста.

Сводня *(Моринѣ)*. Прежде всего помни, что это почтенный человѣкъ.

Морина. Я бы очень хотѣла, чтобы онъ оказался таковымъ, и чтобы я могла уважать его.

Сводня. Затѣмъ, онъ правитель края, и я отъ него въ зависимости.

Морина. Если онъ управляетъ городомъ, вы конечно зависите отъ него, но насколько почтенна для него ваша зависимость, я не знаю.

Сводня. Пожалуйста, безъ цѣломудренныхъ отповѣдей. Будешь ты съ нимъ любезна? Онъ насыпетъ тебѣ полный передникъ золота.

Морина. Все, что онъ дастъ изъ милости, я приму съ благодарностью.

Лизимахъ. Кончили вы ваши разговоры?

Сводня. Она еще не вышколена, ваша милость; вамъ придется еще потрудиться, чтобы приручить ее. Идемъ, оставимъ его милость наединѣ съ нею.

Лизимахъ. Отправляйтесь. *(Уходятъ сводня, Пандеръ и Бультъ)*. Скажи мнѣ, красотка, съ которыхъ поръ ты занимаешься этимъ ремесломъ?

Морина. Какимъ ремесломъ?

Лизимахъ. Я не могу назвать его, не обидѣвъ тебя.

Морина. Меня нельзя обидѣть, назвавъ мое ремесло. Пожалуйста назовите.

Лизимахъ. Съ какихъ поръ ты занялась этой профессіей?

Морина. Съ тѣхъ поръ какъ себя помню.

Лизимахъ. Какъ, такъ рано? Неужели

ты пошаливала уже въ пять лѣтъ, или въ семь?

Морина. Еще ранѣе, если можно сказать, что я это дѣлаю теперь.

Лизимахъ. Однако домъ, въ которомъ ты живешь, свидѣтельствуеъ о томъ, что ты продажное созданіе.

Морина. Какъ, вы знаете, что этотъ домъ таковъ и приходите сюда? А мнѣ сказали, что вы почтенный человекъ и правитель края?

Лизимахъ. Развѣ твоя хозяйка открыла тебѣ, кто я?

Морина. Кто моя хозяйка?

Лизимахъ. Да вотъ эта продавщица овощей, которая съеъ зерна позора и зла. А, такъ тебѣ сказали о томъ, какой я облеченъ властью, и ты уклоняешься, ожидая болѣе настойчивыхъ убѣжденій. Но обѣщаю тебѣ, красотка, что я не отнесусь къ тебѣ какъ начальникъ, или во всякомъ случаѣ буду милостивымъ начальникомъ. Пойдемъ, уведи меня въ какой-нибудь укромный уголокъ; идемъ, идемъ!

Морина.

Коль скоро честь вамъ врождена – явите
Ее теперь, когда жъ ее вы сами
Приобрѣли – постановите судъ,
Достойный васъ.

Лизимахъ. Что? что? Еще помудрствуй.

Морина.

Я дѣвушка, хотя судьбой жестокой
Заброшена я въ этотъ хлѣвъ свиной,
Гдѣ съ той поры, какъ я пришла – дороже
Оплачены болѣзни, чѣмъ лѣкарства.
Когда бъ меня освободили боги,
Въ ничтожнѣйшую пташку превративъ,
Что рѣеъ въ чистомъ воздухѣ!

Лизимахъ.

Не думаль,
Чтобъ говорить такъ складно ты могла.
Приди сюда я съ сердцемъ развращеннымъ,
Его ты измѣнила бы. Возьми,
Вотъ золото. Иди путемъ достойнымъ
И впредь; тебя пусть боги подкрѣпятъ!

Морина.

Да сохранятьъ васъ боги!

Лизимахъ.

Знай, безъ злого
Я умысла пришелъ. По мнѣ и дверь
И окна здѣсь имѣютъ гнусный запахъ.

Прости. Ты добродѣтельна, и вѣрю,
Воспитана была ты благородно.
Вотъ золото еще. Клянѹ того –
Пускай умретъ онъ воромъ – кто похититъ
Добро твое. И если вновь услышишь
Ты обо мнѣ, то къ благу для себя.

Бульть (возвращается).

Бульть. Пожалуйста, ваша милость, и мнѣ дайте одинъ золотой.

Лизимахъ. Прочь, гнусный привратникъ. Вашъ домъ, если бы его не охраняло присутствіе этой дѣвственницы, провалился бы и раздавилъ васъ подъ своими развалинами. Прочь! (*Уходитъ*).

Бульть. Это что такое? Мы должны по иному справиться съ тобой. Если твое упрямое цѣломудріе, которое не стоитъ и завтрака въ самой дешевой странѣ на свѣтѣ, погубить цѣлую семью, то пусть меня выхолостятъ какъ щенка. Иди за мной.

Морина. Что тебѣ отъ меня нужно?

Бульть. Я долженъ лишитъ тебя невинности, или придется поручитъ это палачу. Идемъ. Больше ты не будешь отваживать нашихъ гостей. Идемъ, говорю тебѣ.

Сводня (возвращается).

Сводня. Что случилось, въ чемъ дѣло?

Бульть. Часъ отъ часу не легче. Она наговорила святыхъ словъ Лизимаху.

Сводня. Какая мерзость!

Бульть. Она трубитъ о зловоніи нашей профессіи передъ лицомъ боговъ.

Сводня. Повѣсить бы ее за это!

Бульть. Правитель обошелся бы съ ней какъ подобаетъ знатному господину, а она выпроводила его холоднымъ какъ комъ снѣга – да еще вдобавокъ съ молитвами на устахъ.

Сводня. Бульть, забери ее, потѣшься надъ ней вволю, разбей стекло ея дѣвчества и сдѣлай ее болѣе податливой.

Бульть. Будь она еще болѣе строптива, чѣмъ въ дѣйствительности, я добыюсь своего.

Морина. Внемлите, о внемлите, боги!

Сводня. Она заклинаетъ боговъ: вонъ ее. И зачѣмъ только она попала ко мнѣ въ домъ! Повѣсить бы ее! Она создана намъ на погибель. Ты не согласна покориться женской участи? Подожди, перестанешь кичиться своимъ цѣломудріемъ. (*Уходитъ*).

Бульть.

Пойдемъ со мной моимъ путемъ, красотка.

Морина.

Куда ведешь меня?

52

Бульть.

Чтобъ взять алмазь твой,
Который ты такъ цѣнишь высоко.

Морина.

Мнѣ на одинъ вопросъ отвѣтъ сначала.

Бульть.

Ну, предлагай вопросъ твой.

Морина.

Чѣмъ желалъ бы
Ты сдѣлаться врагу?

Бульть.

Пускай бы сталъ
Хозяиномъ, иль нѣтъ: моей хозяйкой.

Морина.

Онъ и она не такъ дурны какъ ты,
Такъ какъ они тобой повелѣвають.
На мѣстѣ ты, которое занять
Послѣдній чортъ изъ ада бы стыдился:
Привратникъ ты у той двери проклятой,
Куда идетъ за тварью каждый пентюхъ,
И въ гнѣвѣ можетъ каждый грубіань
Дать по уху тебѣ. Подобна пища
Твоя – отрыжкѣ легкихъ зараженныхъ.

Бульть. А по твоему, что я долженъ былъ бы дѣлать? Быть солдатомъ и идти на войну? Иной солдатъ служить семь лѣтъ и въ награду лишается ноги, и даже не имѣетъ достаточно денегъ, чтобы купить себѣ деревяшку!

Морина.

Все дѣлай, лишь не это. Очищай
Отъ нечистотъ вѣстилища и трубы,
У палача подручнымъ будь. Любая
Изъ этихъ службъ – достойнѣ твоей.

И павіанъ ее для чести счелъ бы
Позорящей – умѣй онъ говорить.
Вотъ золото. Когда добытъ хозяинъ
Хотѣлъ его черезъ меня – скажи:
Пѣть и плясать, и шить и прясть могу я,
Есть у меня и качества другія,
Которыми я хвастать не хочу;
Могу всему я этому учить,
И въ многолюдномъ городѣ, конечно,
Достаточно учениковъ найду.

Бульть. И этому всему учить ты можешь?

МОРИНА.

Коль не смогу, верни меня обратно,
И худшему изъ всѣхъ, кто здѣсь бываетъ
Отдай меня на поруганье.

Бульть. Ну хорошо, я похлопочу за тебя. Если смогу тебѣ найти мѣсто, я пристрою тебя.

МОРИНА. Но только въ домѣ честной женщины.

Бульть. У меня, сказать по правдѣ, мало знакомыхъ среди нихъ. Но такъ какъ тебя купили мои хозяева, то безъ ихъ согласія ничего нельзя сдѣлать. Поэтому, я сообщу имъ о твоёмъ предложеніи, и надѣюсь уломать ихъ. Идемъ, я все что могу сдѣлаю для тебя. Идемъ-же. *(Уходятъ).*

<На странице расположен рисунок Джильберта (Gilbert) «Бульть».>

53

<На странице расположена фотография Митилен.>

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Входитъ ГОВЕРЬ.

Морина, покидая домъ разврата,
У честныхъ женъ нашла себѣ пріютъ;
Поетъ ли, вдохновеніемъ объята,
Всѣ думаютъ: безсмертные поютъ;

Танцуетъ ли – богиней выступаетъ,
Плѣняя всѣхъ волшебною игрой;
Она умомъ ученыхъ поражаетъ;
Съ природою соперничать иглой
Старается она; шитьемъ выводитъ
Цвѣты и вѣтки, птицы и плоды,
И роза рукъ ея вполнѣ походитъ
На розу клумбъ; она на всѣ лады
Умѣетъ шить – и шерстью и шелками,
Что, подъ ея искусною рукой,
Съ красивой спѣлой вишней близнецами
Становятся. Ученики толпой
Стремятся къ ней. Работой ли, урокомъ
Добудеть денегъ, – своднѣ ихъ несетъ.
Къ отцу ея вернусь; гонимый рокомъ
И бурями, онъ къ берегу пристаеъ,
Гдѣ дочь его влачить въ борьбѣ безплодной
Свой грустный вѣкъ, узнавъ тяжелый плѣнъ.
Въ тотъ день Нептуна праздникъ ежегодный
Справляетъ населенье Митилень.
Периклъ, скорбя о горестной потерѣ,
На корабль повѣсилъ черный флагъ;
Въ своей, роскошно убранной, галерѣ
Къ нему плывеъ на встрѣчу Лизимахъ.
Войдемте на корабль; воображеньемъ
Дополните, что скроется отъ глазъ.
И дѣйствіе послужитъ продолженьемъ
Того, что вамъ повѣдалъ мой рассказъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА I.

Палуба Периклова корабля, близъ Митилень. На ней бесѣдка, завѣшанная занавѣсами. Въ ней Периклъ, возлегающій на ложѣ.

Подлѣ корабля галера.

Входятъ 2 МАТРОСА: одинъ изъ нихъ принадлежитъ экипажу турскаго корабля, другой съ галеры. За ними входитъ ГЕЛИКАНЪ.

1-й МАТРОСЪ.

Гдѣ жъ Геликанъ? Одинъ онъ только можетъ

Рѣшить вопросъ. Да, вотъ, онъ самъ идетъ.
Изъ Митилень пристала къ намъ галера;
Въ ней Лизимахъ, правитель; онъ желаетъ
Корабль нашъ посѣтить. Какъ ты прикажешь?

54

Г Е Л И К А Н Ъ .

Угодное ему мы можемъ сдѣлать.
Пусть явятся вельможи.

1-й МАТРОСЪ .

Господа,
Пожаловать васъ просить Геликанъ.

(Входятъ 2 или 3 вельможъ).

1-й ВЕЛЬМОЖА .

Ты пожелалъ насъ видѣть?

Г Е Л И К А Н Ъ .

Нашъ корабль
Желаетъ посѣтить сановникъ важный;
Прошу его принять съ большимъ почетомъ.

*Вельможи и матросы спускаются въ галеру. Входятъ Лизимахъ со
свитой, вельможи и 2 матроса.*

Т И Р С К І Й М А Т Р О С Ъ .

Вотъ тотъ, который здѣсь повелѣваетъ.

Л И З И М А Х Ъ .

Привѣтствую тебя, почтенный старецъ;
Желаю, чтобъ тебя хранили боги!

Г Е Л И К А Н Ъ .

Желаю, чтобъ и ты могъ пережить
Мои года и жизнь бы увѣнчалъ
Счастливою кончиной.

Л И З И М А Х Ъ .

Благодарень
За пожеланья добрыя. Нептуна

Мы чествуемъ сегодня. Увидавъ
Роскошный вашъ корабль, я поспѣшилъ
Прибыть, чтобы спросить – откуда вы?

Геликанъ.

Позволь узнать, кто ты?

Лизимахъ.

Я Лизимахъ,
Правитель этихъ мѣстъ.

Геликанъ.

Корабль нашъ тирскій;
На немъ нашъ царь. Три мѣсяца ни слова
Онъ не сказалъ и пищу принимаетъ
Лишь для продленья горя своего.

Лизимахъ.

Не знаешь ли причинъ его унынья?

Геликанъ.

Мнѣ тяжело объ этомъ говорить.
Онъ сталъ такимъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ,
Жену и дочь.

Лизимахъ.

Могу ль его увидѣть?

Геликанъ.

Напрасно ты свиданья ищешь съ нимъ:
Онъ говорить не станетъ.

Лизимахъ.

Разрѣши
Исполнить мнѣ желанье.

Геликанъ.

Я согласенъ.

(Отдергиваетъ занавѣсъ; виденъ Перикль).

Нашъ царь былъ и величественъ, и статенъ
До той ужасной ночи, что его
Такъ потрясла глубоко.

Лизимахъ.

Государь,
Привѣтствуя тебя, прошу боговъ
О ниспосланьи царственному гостю
Душевнаго спокойствія и здравья.

Геликанъ.

Привѣтъ напрасень твой: онъ не отвѣтитъ.

1-й сопутствующій Лизимаху.

Есть дѣва въ Митиленахъ, что навѣрно
Съумѣла бы уста его разверзнуть.

Лизимахъ.

Прекрасно ты придумалъ: я увѣренъ,
Что безъ вопросовъ, голосомъ волшебнымъ
И чуднымъ обаяньемъ чаръ своихъ,
Она его расшевелить съумѣетъ
И въ немъ пробудить чувства, что заглохли
Отъ тяжкаго страданья, лучше всѣхъ.
Она теперь съ подругами гуляетъ
Близъ острова, въ тѣни прохладной рощи.

(Шепчется съ однимъ изъ своихъ спутниковъ, который отплываетъ въ галерю).

Геликанъ.

Напрасно все, я въ этомъ убѣжденъ;
Но мы ничѣмъ пренебрегать не смѣемъ,
Что можетъ принести хоть долю пользы.
На доброту твою располагаясь,
Позволь мнѣ разрѣшенія просить
На золото купить у васъ припасовъ –
Не потому, чтобъ въ нихъ нуждались мы,
Но потому, что порча ихъ коснулась.

Лизимахъ.

Когда отказъ послѣдуетъ на просьбу,
Какъ кару, могутъ праведные боги
Послать на наши жатвы саранчу
И цѣлую страну привести въ унынье.
Позволь полюбопытствовать еще,
О чемъ скорбитъ вашъ царь?

Г Е Л И К А Н Ъ .

Присядь сюда –
И обо всемъ я расскажу тебѣ.
Но, видишь, мнѣ мѣшаютъ.

*Входитъ одинъ изъ сопутствующихъ Лизимаху съ Мориной и ея
ПОДРУГОЙ.*

Л И З И М А Х Ъ .

Вотъ она,
Та дѣва, за которой я послалъ.
Привѣтъ тебѣ, красавица. Не правда ль,
Какъ хороша она?

Г Е Л И К А Н Ъ .

Вполнѣ прекрасна.

Л И З И М А Х Ъ .

Когда бъ я зналъ, что древенъ родъ ея,
Не пожелалъ бы лучшей я подруги
И съ нею бракъ – я счастьемъ бы считалъ.

(Обращаясь къ Моринѣ).

Щедротами тебя осыплетъ царь,
Коль отъ тебя получить облегченье,
Коль дивными дарами ты съумѣешь
Его заставить вновь заговорить:
Въ награду за лѣкарство ты получишь
Все то, что можешь только пожелать.

М О Р И Н А .

Употребить всѣ средства постараюсь,
Чтобы ему помочь. Съ моей подругой
Къ нему я подойду. Пусть остальные
Оставятъ насъ.

Л И З И М А Х Ъ .

Исполнимъ ихъ желанье –
И боги да помогутъ предпріятю.

(Морина поетъ).

Л И З И М А Х Ъ .

На пѣнье обратилъ ли онъ вниманье?

М О Р И Н А .

Онъ даже на меня и не взглянулъ.

ЛИЗИМАХЪ.

Съ нимъ рѣчь она заводитъ.

МОРИНА.

Государь,
Вонми моимъ моленьямъ.

ПЕРИКЛЪ.

Что я слышу!

МОРИНА.

Я дѣвушка стыдливая; всегда
Пройти я незамѣченной стараюсь,
А на меня, какъ на комету, смотрятъ.
Страданья наши взвѣсь и, можетъ быть,
Мое не уступаетъ твоему.
Подавлена я злобною судьбою,
А все происхожу отъ предковъ славныхъ,
Что спорили могуществомъ съ царями.
Родителей моихъ на свѣтѣ нѣтъ –
И стала я рабою жалкой міра
И жертвой злыхъ случайностей.
(Въ сторону). Хотѣла бѣ
Я бросить предпріятіе свое;
Но краска выступаетъ на ланиты
И что то шепчетъ мнѣ: "не уходи,
Пока съ тобой онъ въ разговоръ не вступитъ".

ПЕРИКЛЪ.

О родѣ знаменитомъ... о страданьяхъ,
Испытанныхъ тобой, ты говорила,
Страданьяхъ, что моимъ не уступаютъ?

МОРИНА.

Когда бѣ ты зналъ мое происхожденье,
Не сталъ бы ты, о, царь, гнушаться мной.

ПЕРИКЛЪ.

Тебѣ готовъ я вѣрить; на меня,
Прошу, взгляни. Какой то чудный образъ
Твои черты напоминаютъ мнѣ.
Гдѣ родина твоя? Скажи – не здѣсь ли?

МОРИНА .

Не на землѣ я обрѣла отчизну,
Однако родилась на свѣтъ, какъ всѣ,
И правды я притворствомъ не скрываю.

ПЕРИКЛЪ .

Я преисполненъ горя и сдержать
Рыданій я не въ силахъ. Эта дѣва
Сходна съ моею милою женою;
Такою же была бы дочь моя.
Да, сходство поразительно; у ней
Открытое чело моей царицы
И тотъ же ростъ. Она стройна, какъ стебель;
Ея прелестный голосъ серебристъ;
Глаза блестятъ, какъ чудные алмазы
Въ оправѣ драгоцѣнной; какъ Юнона,
Идетъ она; чѣмъ больше говоритъ,
Тѣмъ больше ей хотѣлось бы внимать –
И ей нельзя отрадными рѣчами
Вполнѣ насытить слухъ. Гдѣ ты живешь?

МОРИНА .

Я призрачна чужими: ты отсюда
Увидѣть можешь домъ, гдѣ обитаю.

ПЕРИКЛЪ .

Скажи, гдѣ воспитанье получила?
И гдѣ пріобрѣла тѣ дарованья,
Которыя собою украшаешь?

56

МОРИНА .

Такъ странны похождения мои,
Что можетъ показаться жалкой ложью
Разсказъ о нихъ.

ПЕРИКЛЪ .

Открой мнѣ жизнь свою,
Не вѣдая притворства; ты скромна,
Какъ истина святая; я увѣренъ,

Что ты – дворець, гдѣ правда обитаетъ.
Ту женщину, что я любилъ глубоко,
Напоминаешь ты, а потому
Тебѣ повѣрю я; заставлю чувства
Увѣровать и въ то, что даже можетъ
Несбыточнымъ и ложнымъ показаться.
Кто близкіе твои? Ты мнѣ сказала,
Что я съ тобой сурово обошелся,
Хоть знатнаго ты рода.

МОРИНА .

Это правда.

ПЕРИКЛЪ .

Повѣдай же, откуда приходишь?
Ты говорила, кажется, что много
Невзгодъ и скорби въ жизни повстрѣчала,
И что тобой испытанное горе
Съ моимъ сравниться можетъ.

МОРИНА .

Вѣроятнымъ
Мнѣ кажется предположеніе это.

ПЕРИКЛЪ .

О, расскажи исторію свою.
Коль тысячную часть ты испытала
Того, что вынесъ я, ты – твердый мужъ,
А я страдалъ, какъ женщина. Съ терпѣньемъ,
Взирающимъ на царскія могилы,
Имѣешь сходство ты, скрывая горе
Улыбками. Прошу тебя назвать
Своихъ друзей; какъ потеряла ихъ?
О, милая, свое повѣдай имя;
Подсядь ко мнѣ.

МОРИНА .

Меня зовутъ Мариной.

ПЕРИКЛЪ .

Насмѣшка злая! вѣрно гнѣвный богъ
Прислалъ тебя сюда, чтобъ надо мною
Смѣялся цѣлый свѣтъ.

МОРИНА .

О, успокойся,
Иль болѣе ни слова не скажу.

ПЕРИКЛЪ.

Сдержу себя, но ты не можешь знать,
Какъ именемъ Морины я глубоко
Быль потрясенъ.

МОРИНА.

Мнѣ это имя далъ
Мой царственный отецъ.

ПЕРИКЛЪ.

Ты дочь царя –
И названа Мориной?

МОРИНА.

Мнѣ повѣрить
Ты обѣщаль. Я продолжать не стану,
Чтобъ твоего покоя не нарушить.

ПЕРИКЛЪ.

Не духъ ли ты безплотный и безкровный,
Не призракъ ли волшебный? Продолжай,
Гдѣ родина твоя – и почему
Тебя зовутъ Мориной?

МОРИНА.

Родилась я
На кораблѣ, что плыль по волнамъ моря;
Вотъ отчего мнѣ дали это имя.

ПЕРИКЛЪ.

Кто мать твоя?

МОРИНА.

Ея отецъ былъ царь;
Она въ тотъ мигъ скончалась, какъ меня
Произвела на свѣтъ. Объ этомъ часто
Мнѣ говорила няня Лихорида,
Горючими слезами обливаясь.

ПЕРИКЛЪ.

На мигъ прерви рассказъ. Я жертва сна,

Что мнѣ послалъ волшебное видѣнье,
Чтобъ надъ глупцомъ несчастнымъ издѣваться.
Не можетъ это быть; вѣдь, дочь моя
Въ могилѣ спить. Тебѣ, дрожа, я внемлю;
Кто воспиталъ тебя? Я буду слушать
Разсказъ твой до конца, безъ перерывовъ.

МОРИНА.

Ты повѣсти моей съ трудомъ повѣришь;
Не лучше ль мнѣ ея не продолжать?

ПЕРИКЛЪ.

Чтобъ ни сказала ты, всему повѣрю;
Но какъ же ты могла сюда попасть
И гдѣ ты воспитанье получила?

МОРИНА.

Меня оставилъ въ Тарсѣ царь-отецъ,
И злой Клеонъ съ преступницей-женою
Задумали меня со свѣта сжить;

57

Убійца ими былъ подговоренъ,
Чтобъ умертвить меня; онъ собирался
Исполнить гнусный замысль, когда
Нагрязнули пираты и меня
Съ собою въ Митилены увезли...
О, добрый царь, о чемъ ты слезы льешь?
Ты думаешь, быть можетъ, что тебя
Обманиваю я; о, нѣтъ, клянусь!
Я дочь царя Перикла, если только
На свѣтѣ существуетъ царь Периклъ.

ПЕРИКЛЪ.

Приблизься, Геликанъ.

ГЕЛИКАНЪ.

Меня позвалъ ты?

ПЕРИКЛЪ.

Совѣтникъ ты и мудрый, и правдивый:

Не можешь ли сказать, кто эта дѣва,
Что такъ меня заставила рыдать?

Г Е Л И К А Н Ъ .

Не знаю, но правитель Митиленъ
Ей воздаетъ обильныя хвалы.

Л и з и м а х ъ .

Она отъ всѣхъ скрывала постоянно
Свое происхожденье и, когда
Объ этомъ ей вопросы предлагали,
Молчаньемъ и слезами отвѣчала.

П Е Р И К Л Ъ .

О, Геликанъ, ударь меня иль рану
Мнѣ нанеси, дай чувствовать мнѣ боль,
Чтобъ море мной извѣданнаго счастья
Не потопило смертности моей,
Чтобъ въ сладости его не утонулъ я.
Иди ко мнѣ. Ты возвратила жизнь
Тому, кто произвелъ тебя на свѣтъ!
Иди ко мнѣ, рожденная на морѣ,
Почившая близъ Тарса и опять
На морѣ обрѣтенная чудесно!
О, Геликанъ, колѣни преклони
И голосомъ, что силой равенъ грому,
Благодари боговъ: Морина это.

(Обращается къ Моринѣ).

Еще вопросъ: какъ звали мать твою?
Не бесполезно правду подтверждать,
Хотя сомнѣнья спясть.

М О Р И Н А .

Скажи мнѣ прежде,
Какъ звать тебя?

П Е Р И К Л Ъ .

Я тирскій царь Периклъ.
Теперь, прошу тебя, скажи мнѣ имя
Моей царицы, въ морѣ утонувшей.
Все правда, что досель ты говорила.
И будешь ты наслѣдницей престола
И ты отца въ Периклѣ обрѣтешь.

МОРИНА .

Чтобы назваться дочерью твоею,
Ужель сказать лишь надо, что Таисой
Звалась мать Морины? Да, Таисой;
И умерла она, мнѣ жизнь даруя.

ПЕРИКЛЪ .

Прими благословенія мои:
Возстань, ты – дочь моя. Одежды скорби
Съ себя хочу я сбросить. Геликань,
Я дочь обрѣлъ. Она не пала въ Тарсъ,
Какъ этого хотѣлъ злодѣй Клеонъ;
Она сама тебѣ расскажетъ все,
Когда предъ ней склонишься ты во прахъ,
Въ ней дочь царя Перикла признавая.
А это кто?

ГЕЛИКАНЪ .

Правитель Митилень;
Узнавъ, что ты въ унынье погружень,
Онъ прибылъ, чтобъ привѣтствовать тебя.

ПЕРИКЛЪ .

Прими мое лобзанье. Дайте мнѣ
Другое платье. Въ траурной одеждѣ
Я мраченъ и унылъ. О, небеса!
Благословите дочь. Но что я слышу?
Какіе-то божественные звуки
Нисходятъ съ неба. Милая Морина,
Все расскажи дословно Геликану,
Чтобы его сомнѣнія разсѣять.
Опять я слышу сладостные звуки!

ГЕЛИКАНЪ .

Я ничего не слышу.

ПЕРИКЛЪ .

Ничего?
То музыка небесъ. Морина, слушай!

ЛИЗИМАХЪ .

Не слѣдуетъ ему противорѣчить;
Не возражай.

ПЕРИКЛЪ.

Божественные звуки!...
Ты слышишь их?

ЛИЗИМАХЪ.

Я слышу, государь. *(Музыка).*

ПЕРИКЛЪ.

О, музыка волшебная! Хотѣлъ бы
Я ей внимать; но сонъ рукой тяжелой
Мои сжимаетъ вѣжды. Я усну. *(Засыпаетъ).*

ЛИЗИМАХЪ.

Подушку подложите вы ему
Подъ голову. Затѣмъ его оставимъ;

58

Коль сбудутся мои предположенья,
Товарищи-друзья, васъ не забуду.

Всѣ уходятъ, кромѣ ПЕРИКЛА. Является ДІАНА.

ДІАНА.

Мой храмъ стоитъ въ Эфесѣ. Съ приношеньемъ
Спѣши туда. Предъ свѣтлою толпой
Моихъ невинныхъ жриць, ты с умиленьемъ
Повѣдай, какъ утрачена тобой
Любимая супруга въ волнахъ моря.
Ее рассказомъ къ жизни призовешь.
Ослушаешься – выпьешь чашу горя;
Коль нѣтъ – ты снова счастье обрѣтешь.
Клянуся въ томъ! Отбрось свои сомнѣнья,
Проснись и расскажи свое видѣнье! *(ДІАНА исчезаетъ).*

ПЕРИКЛЪ.

Богиня среброносная, Діана,
Исполню твой приказъ. О, Геликанъ!

Входятъ Геликанъ, Лизимахъ, Мориана и пр.

ГЕЛИКАНЪ.

Что, государь?

ПЕРИКЛЪ.

Я думаю поѣхать въ Тарсъ,
Чтобъ наказать презрѣннаго Клеона;
Но прежде совершу другое дѣло:
Къ Эфесу я хочу направить путь.
Потомъ я вамъ открою цѣль поѣздки.

(Обращаясь къ Лизимаху).

Позволишь ли твой городъ посѣтить
И, отдохнувъ немного, заpastись
Припасами, что намъ необходимы?

ЛИЗИМАХЪ.

Отъ всей души. Когда на берегъ выйдешь,
И у меня есть просьба до тебя.

ПЕРИКЛЪ.

Отказа не получишь, если бъ даже
За дочь мою посвататься хотѣлъ бы;
Ты, кажется, къ ней съ лаской относился.

ЛИЗИМАХЪ.

Дай руку, государь.

ПЕРИКЛЪ.

Идемъ, Морина. *(Уходятъ).*

Входитъ ГОВЕРЬ. Храмъ Діаны въ Эфесъ.

ГОВЕРЬ.

Разсказъ кончаю я; песокъ
Въ моихъ часахъ почти истекъ.
Чтобъ до конца довести разсказъ,
Я васъ прошу въ послѣдній разъ,
Мечтой игривою своей
Мнѣ помощь дать. Ввѣряясь ей,
Считаю лишнимъ разсказать,
Какъ сталъ Перикла угощать
Въ своей столицѣ Лизимахъ.
О представленьяхъ, о пирахъ,
Что въ честь царя давалъ онъ тамъ,
Излишній трудъ повѣдать вамъ.
Онъ, словомъ, такъ дѣла повелъ,
Что друга вѣрнаго нашель
Въ царѣ и скоро женихомъ

Морины сдѣлался. Царемъ
Отложенъ бракъ до той поры,
Когда богатые дары
Онъ въ храмъ Діаны принесеть.
Корабль опять пустился въ ходъ;
Опять сталъ вѣтръ попутный дуть;
Но я не опишу ихъ путь.
И вотъ предъ вами славный храмъ;
Перикль со спутниками тамъ;
Чтобъ онъ прибыть такъ скоро могъ,
Мнѣ добрый слушатель помогъ
Черезъ игру воображенья;
Разсказъ дополнить представленья. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Храмъ Діаны.

ТАИСА стоитъ подлѣ алтаря въ санѣ главной жрицы. По обѣимъ сторонамъ алтаря стоятъ дѣвы. Въ храмъ находятся *ЦЕРИМОНЪ* и другіе обыватели.
Входятъ ПЕРИКЛЬ со свитой, *ЛИЗИМАХЪ*, *ГЕЛИКАНЪ*, *МОРИНА* и одна дама.

ПЕРИКЛЬ.

Хвала тебѣ, Діана; исполняя
Велѣніе твое, я объявляю,
Что я властитель Тира. Я покинулъ
Свою страну, чтобъ смерти избѣжать;
Въ Пентаполисѣ брачными узами
Я сочетался съ дивною Таисой.
На кораблѣ скончалася она,
Родивши дочь, что назвали Мориной,
Которая доселѣ, о, богиня,
Вѣрна твоимъ покровамъ серебристымъ.
На воспитанье отдалъ я ее
Клеону въ Тарсѣ. Четырнадцать лѣтъ
Ее со свѣта сжить задумалъ онъ.
Благодаря созвѣздьямъ благодатнымъ,
Она нашла спасенье въ Митиленахъ.
Затѣмъ на мой корабль она попала,

Что къ берегу пригнала злоба моря,
И ясныя ея воспоминанья
Мнѣ помогли въ ней дочь свою признать.

ТАИСА.

Его лицо и голосъ! Царь Периклъ!

(Падаетъ въ обморокъ).

ПЕРИКЛЪ.

Что говоритъ она? Минута смерти
Настала для нея. Помочь ей надо.

ЦЕРИМОНЪ.

О, государь, коль правду ты сказалъ
Предъ алтаремъ Діаны, эта жрица –
Твоя жена.

ПЕРИКЛЪ.

Не можетъ это быть:
Я самъ ее, какъ помню, ввергнулъ въ море.

ЦЕРИМОНЪ.

Недалеко отъ этихъ береговъ?

ПЕРИКЛЪ.

Такъ именно.

ЦЕРИМОНЪ.

Ты на нее взгляни;
Отъ радости она лишилась чувствъ.
Ее на этотъ берегъ, бурнымъ утромъ,
Извергли волны. Гробъ ея открылъ я
И въ немъ нашель богатые уборы;
Ее вернулъ я къ жизни и затѣмъ
Во храмъ Діаны помѣстилъ.

ПЕРИКЛЪ.

Могу ль увидѣть
Сокровища, что ты тогда нашель?

ЦЕРИМОНЪ.

Ихъ принесутъ тебѣ въ мое жилище,

Куда тебя зову. Смотри, Таиса
Пришла въ себя.

ТАИСА.

Его хочу увидѣть!
Когда бь моимъ онъ не былъ, святость жрицы
Съумѣла бы сдержать порывы чувства
И призраку въ обманъ бы не далась.
О, государь! Признайся: ты – Перикль;
Какъ онъ, ты говоришь и сходенъ съ нимъ:
Не вспоминалъ ли ты о грозной бурѣ,
О смерти и рожденьи?

ПЕРИКЛЬ.

Слышу голосъ
Моей Таисы мертвой.

<На странице расположена фотография знаменитой античной статуи, хранящейся в Версале – так называемая «Версальская Діана».>

ТАИСА.

Я Таиса,
Что только чудомъ смерти избѣжала.

ПЕРИКЛЬ.

Безсмертная Діана!

ТАИСА.

Я теперь
Тебя совсѣмъ признала. Вотъ кольцо,
Что мой отецъ тебѣ на память далъ,
Когда въ слезахъ мы разставались съ нимъ.

(Указываетъ на кольцо).

ПЕРИКЛЬ.

Оно, оно! Благодарю васъ, боги;
Щедротами я вашими осыпанъ
И забывая бѣдствія былыя,
Хотѣлъ бы я, коснувшись устъ любимыхъ,
Растаять и незримымъ духомъ стать!

Иди ко мнѣ, желанная подруга,
И схоронись опять въ моихъ объятыхъ.

МОРИНА.

Душою рвусь я къ матери своей.

(Становится на колѣни передъ Таисой).

ПЕРИКЛЪ.

Гляди, кто предъ тобою на колѣняхъ!
То дочь твоя Морина. Это имя
Дано ей потому, что въ злую бурю
Она тобой на морѣ рождена.

ТАИСА.

Тебя благословляю, дочь моя!

ГЕЛИКАНЪ.

Привѣтствую тебя, моя царица!

ТАИСА.

Не знаю я тебя.

ПЕРИКЛЪ.

Бѣжавъ изъ Тира,
Намѣстнику я передалъ правленье;
Не можешь ли его припомнить имя?
Его не разъ я называлъ тебѣ.

ТАИСА.

Ты часто говорилъ о Геликанѣ.

ПЕРИКЛЪ.

Вотъ – подтвержденье новое! Онъ самъ
Передъ тобой. О, обними его,
Таиса дорогая. Я теперь
Хочу узнать, какъ обрѣли тебя,
Какъ къ жизни возвратили и кого,
Опречь боговъ, благодарить я долженъ
За чудное спасеніе твое.

ТАИСА.

Привѣтствуй Церимона; чрезъ него
Могущество явили боги;

Онъ можетъ разсказать тебѣ подробно,
Какъ воскресилъ меня.

ПЕРИКЛЪ.

Почтенный мужъ,
Служа богамъ, ты ликомъ имъ подобенъ.
Повѣдай мнѣ, какъ къ жизни ты вернулъ
Почившую царицу.

ЦЕРИМОНЪ.

Все узнаешь.
Но ты сначала домъ мой посѣти;
Тамъ покажу тебѣ тѣ украшенья,
Что я нашелъ при ней, и объясню,
Какъ въ храмъ она попала. Отъ тебя
Не ускользнетъ малѣйшая подробность.

ПЕРИКЛЪ.

Хвала тебѣ, о, чистая Діана,
За чудный сонъ, что ты послала мнѣ!
Таиса, этотъ принцъ – женихъ Морины.
Въ Пентаполисѣ свадьбу ихъ сыграемъ.
Я волосы теперь могу обстричь,
Что мнѣ даютъ такой суровый видъ,
И бороду, къ которой столько лѣтъ
Не прикасалась бритва, я обрѣю,
Чтобъ бракъ счастливый чествовать.

ТАИСА.

Увы!

До Церимона вѣрныя извѣстья
Дошли о томъ, что мой отецъ скончался.

ПЕРИКЛЪ.

Да станетъ онъ звѣздою свѣтлой въ небѣ!
А все же тамъ опразнуемъ ихъ свадьбу,
А сами въ этомъ царствѣ проведемъ
Остатокъ нашихъ дней. А сынъ и дочь
Пусть на престолѣ Тира возсѣдаютъ!
Объщанное сдержитъ Церимонъ
И, что не знаемъ мы, доскажетъ онъ.

(Уходятъ).

Входитъ ГОВЕРЪ.

Наказанъ Антиохъ; всегда злодѣйства
Караеть справедливо божество.
Въ Периклѣ и въ судьбѣ его семейства
Я показалъ вамъ правды торжество.
Коль рокъ ее преслѣдуетъ, участие
Въ богахъ она находить; перенесъ
Не мало мукъ Периклѣ, но ласку счастья
Ему опять извѣдать довелось.
Вамъ Геликанъ и вѣрности и чести
Явилъ примѣръ, а славный Церимонъ
Вамъ образецъ того, кто, чуждый лести,
Творить добро и въ мудрость погружень.
Когда народъ узналъ о злодѣяннѣ,
Что совершилъ Клеонъ, его онъ сжегъ
Въ дворцѣ со всѣмъ отродьемъ. Наказанья
И этотъ извергъ избѣжать не могъ.
Такъ покарала боги преступленье,
Что довершить не могъ вполнѣ злодѣй:
На этомъ я окончу представленье –
И съ вами распрошусь до лучшихъ дней.

П. Козловъ.

---

¹ Presented. Слово «представлена» здѣсь надо понимать въ особомъ значеніи: presenter'омъ назывался въ англійской драмѣ тотъ, кто ее объяснялъ публикѣ, какъ это дѣлалъ Гамлетъ при представленіи пантомимы или Пигва въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь». Такова дѣйствительно въ «Периклѣ» роль Гоуера.

² Опечатка: было «не ставилось къ англійской драмѣ въ эпоху Возрожденія».

³ Change – таково чтеніе оригинала. Издатели чаще печатають charge «обуза» (мыслей).

⁴ Дѣйствительно, я склоненъ допустить, что Уилькинсъ, гораздо лучше Шекспира знакомый съ античными обычаями, имѣлъ въ виду настоящее обоготвореніе Перикла тарсянами, но что Шекспиръ, менѣе ученый и болѣе чуткій къ современнымъ ему чувствамъ, замѣнилъ языческое обоготвореніе христіанской (или нейтральной) молитвой. Это подтверждается третьимъ дѣйствіемъ, въ которомъ редакція Шекспира была наиболѣе энергична; и здѣсь (сц. 3) Клеонъ ссылается на молитвы народа за Перикла.

⁵ Исправлена опечатка. Было: «Морина затмевала ея дочь – онъ велить Леонину ее убить».

⁶ Это прямо не сказано; но не подлежитъ сомнѣнію, что это и есть дѣйствіе, которое, по замыслу поэта, должно было сопровождать первыя – не слова, а звуки Перикла (hum, ha!). Въ «исторіи» подробно рассказано, какъ Тарсія, когда Аполлоній приказалъ ей удалиться, попыталась было ласковой силой вывести его на палубу, какъ онъ сталъ сопротивляться, какъ она при этомъ упала и ушиблась. Здѣсь такой рассказъ былъ бы неумѣстенъ: тѣмъ не менѣе мы догадываемся о произошедшемъ по словамъ Морины: «если бы ты зналъ мое происхожденіе, то не нанесъ бы мнѣ оскорбленія» (you would not do me violence), а изъ словъ Перикла «не сказала ли ты, когда я оттолкнулъ тебя – а это случилось, какъ только я тебя замѣтилъ (when I perceived thee) – что и т. д.» мы узнаемъ также и моментъ, когда это произошло. Установленіе этого момента важно для развитія дѣйствія въ нашей сценѣ.

⁷ Опечатка, далее в тексте везде Бульть.

⁸ Исправлено, было «во свояси».

⁹ Твой свѣтъ – моя жизнь.

---

¹⁰ Нежностью больше, чѣмъ силой.

¹¹ Достигъ вершины славы.

¹² Что меня кормить, то и гасить.

¹³ Такимъ образомъ познается вѣрность.

¹⁴ Этой надеждой живу.